Песня кукушки

Автор:
Фрэнсис Хардинг

Песня кукушки

Фрэнсис Хардинг

Романы Фрэнсис Хардинг

Очнувшись после несчастного случая, Трисс понимает, что с ней что?то не так. Ее постоянно мучает голод, младшая сестра ее боится, а родители все время шепчутся за закрытыми дверями. К тому же Трисс почти ничего не помнит – ни о происшествии, ни о своем прошлом. Она хочет перечитать свой дневник, но кто?то вырвал из него страницы.

Вскоре Трисс выяснит, что с ней происходит нечто куда более страшное, чем она могла представить, и что она в буквальном смысле слова сама не своя. В поисках ответов ей предстоит совершить опасное путешествие и столкнуться с Архитектором, который стремится погубить всю ее семью. Но успеет ли она? Время Трисс утекает, словно песок сквозь пальцы…

Фрэнсис Хардйнг

Песня кукушки

Посвящается Дилану, моему племяннику и крестнику.

Относись всегда к причудам этого мира с неизменным добродушным спокойствием.

Перевод с английского Елены Измайловой

Text copyright © Frances Hardinge 2014

Cover photograph © Kamille Freske

Оригинальное название: Cuckoo

Song Впервые опубликовано в 2014 году издательством

Macmillan Children's Books, импринтом Pan Macmillan, подразделением Macmillan Publishers International Limited.

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2016

Фрэнсис Хардинг уже стала в один ряд с лучшими детскими авторами, но эта выдающаяся книга наверняка прославит ее еще больше.

The Sunday Times Children's Book of the Week

Эта книга так мне понравилась, что я пыталась смаковать ее, как конфету.

The Sweet Review

У меня новая литературная любовь: Фрэнсис Хардинг. Ее язык поэтичен и богат, ее прозу хочется читать, читать и читать, что бы ни происходило. Она

обволакивает язык, как мед, и оставляет терпкое послевкусие.

magicinkandstardust.wordpress.com

Чтение, от которого невозможно оторваться; напряжение большей частью создается при помощи неловкости и беспокойства, тянущего чувства, будто что-то не так. Написано невероятно хорошо.

breathesbooks.com

Язык, о мой бог, язык превосходен! Темы затронуты более глубокие, чем история девочки, пытающейся обрести себя: влияние войны на общество и на человека, глубина жестокости, на которую может толкнуть жажда мести; прощение, любовь. Я недостаточно красноречива, чтобы выразить, насколько удивительна эта книга, но я не могу ее не порекомендовать!

The Book Geek

«Песня кукушки» сильнее волнует, чем другие книги Хардинг. Она печальна и трогательна, она вдохновляет, обладая при этом психологической глубиной, свойственной романам этого автора.

dancingonglassll.blogspot.co.uk

Потрясающее сочетании магии и фантазии… Я в полном восхищении от уникального сюжета, приковавшего меня к страницам.

adreamofbooks.blogspot.co.uk

Напоминает Нила Геймана.

www.welovethisbook.com

Глава 1

Единое целое

Ей было плохо. В голове будто шуршала и шелестела бумага. Кто-то хихикнул, превратил свой смешок в огромный хрустящий шар и засунул ей в череп. «Семь дней, – засмеялся он. – Семь дней».

– Прекратите, – прохрипела она.

И шорох прекратился. Звук угас вдали, и даже почудившиеся ей слова испарились из ее сознания, как исчезает со стекла пар от дыхания.

– Трисс? – произнес другой голос, намного более близкий и громкий, чем ее собственный, голос женщины. – Ох, Трисс, милая, все хорошо, я с тобой.

Что-то происходило. Две теплые руки сомкнулись вокруг нее, словно колыбель.

– Не позволяй им смеяться надо мной, – прошептала она. Сглотнула и почувствовала в горле сухость и режущую боль.

– Никто над тобой не смеется, милая, – ответила женщина, и ее голос был нежным и тихим, как вздох.

Неподалеку зашептались. Два мужских голоса.

– У нее все еще лихорадка? Доктор, вы же говорили…

– Думаю, ей просто что-то приснилось. Посмотрим на юную Терезу, когда она окончательно проснется.

«Тереза. Я Тереза». Это правда, она была уверена в этом, но имя казалось ей просто словом. Такое впечатление, будто она не знает, что оно означает. «Я Трисс». Это звучало более естественно – словно книга, раскрывающаяся на зачитанном месте. Она сумела приоткрыть глаза, щурясь от яркого света. Кровать. Она лежит на горе подушек. Трисс казалась себе огромной, поэтому очень удивилась, обнаружив под стеганым покрывалом и одеялами свое маленькое тело.

Рядом с ней сидела женщина, нежно сжимая ее руку. У нее были короткие волосы, уложенные жесткими блестящими волнами. Легкая пудра маскировала морщинки усталости в уголках глаз. Синие стеклянные бусины ее ожерелья ловили свет, падавший из окна, и бросали отблески на шею и нижнюю часть подбородка.

Эта женщина была до боли знакомой и одновременно чужой, словно план полузабытого дома. Из ниоткуда выплыло слово, и немеющий мозг Трисс умудрился схватиться за него.

– Ма… – начала она.

– Да, мамочка с тобой, Трисс.

Мамочка. Мама.

– Ма… ма… – прокаркала она. – Я… не…

Трисс беспомощно умолкла. Она не знала, что она «не», и боялась.

– Все в порядке, лягушонок. – Мама легко сжала ее ладонь и ласково улыбнулась. – Просто ты снова заболела, вот и все. У тебя была лихорадка, неудивительно, что ты плохо себя чувствуешь. Ты помнишь, что было вчера?

– Нет.

Вчерашний день провалился в огромную темную дыру, и Трисс запаниковала. Что она вообще помнит?

– Ты вернулась домой мокрая как мышь. Помнишь? – Кровать скрипнула, когда с другой стороны подошел мужчина и сел. Его длинное энергичное лицо морщилось, как будто он изо всех сил пытался сосредоточиться. Волосы светлые. Голос ласковый, и Трисс знала, что этот специальный добрый взгляд предназначался только для нее. Отец. – Мы думаем, ты упала в Гриммер.

Услышав это слово, Трисс похолодела и задрожала, словно к ее шее приложили лягушку. Ей захотелось уползти подальше.

– Не давите на нее, – заговорил другой мужчина, стоявший в изножье кровати. Он был старше, с гривой светлых волос, на дюйм поднимавшихся над розовой кожей головы, и седыми, торчащими во все стороны бровями. Вены на его руках выступали и бугрились, выдавая преклонный возраст. – Дети всегда будут играть у воды. Бог знает во сколько ручьев я падал, когда был ребенком. А вы, юная леди, изрядно напугали своих родителей, явившись прошлым вечером с сильной лихорадкой и никого не узнавая. Я полагаю, сейчас вы все вспомнили?

Трисс поколебалась, но кивнула отяжелевшей головой. Теперь она признала их запах. Трубочный табак и пудра для лица.

Доктор посмотрел на нее пронизывающе и постучал пальцами по изножью кровати.

– Как зовут короля? – внезапно выпалил он. Трисс дернулась, на миг занервничав. Потом в ее голову послушно вплыло воспоминание о декламирующих учениках в школе. «Наш король – Георг, наш Георг Пятый…»

– Георг Пятый, – ответила она.

– Верно. Где мы находимся?

– В старом каменном доме в Лоуэр-Бентлинг, – с растущей уверенностью сказала Трисс. – Неподалеку от пруда с зимородками. – Она узнала запах этого места: влажные стены, застарелая вонь трех поколений старых больных котов. – Мы на каникулах. Мы… мы приезжаем сюда каждый год.

– Сколько тебе лет?

– Одиннадцать.

– Где ты живешь?

– Бичес, Лютер-сквер, Элчестер.

– Умница. Дела идут на лад. – Доктор широко и тепло улыбнулся, как будто и правда ею гордился. – Ты была очень больна, поэтому, думаю, сейчас у тебя голова словно ватой набита, так? Но не паникуй, через пару дней твое сознание прояснится. Ты ведь уже чувствуешь себя лучше, верно?

Трисс медленно кивнула. Никто больше не смеялся в ее голове. Слабое похрустывание еще сохранялось, но, взглянув в окно, она увидела причину. К подоконнику прижималась низко висящая ветка, поникшая под тяжестью зеленых яблок, и ее листья скреблись в стекло при каждом дуновении ветра.

Свет, падавший в окно, рассеивался, двигался, рассыпался мозаикой, проходя сквозь листву. Комната была такой же зеленой, как и листья. Зеленое стеганое одеяло на кровати, зеленые обои с кремовыми ромбиками, чересчур яркие зеленые квадратные салфетки на черной деревянной мебели. Газ не горел, шары настенных ламп тускло белели.

И только теперь, хорошенько осмотревшись, она увидела, что в комнате есть пятый человек, маячивший в дверях. Девочка младше Трисс, с темными волосами, так аккуратно уложенными, что она выглядела миниатюрной версией матери. Но в ее холодных глазах-пуговицах читалось что-то совсем другое. Она схватилась за дверную ручку так, словно хотела ее оторвать, и все время скрипела зубами.

Мать оглянулась, проследив за взглядом Трисс.

– О, ты только посмотри, тебя пришла проведать Пенни. Бедняжка Пен, кажется, у нее и крошки не было во рту с тех пор, как ты заболела, так она беспокоилась. Заходи, Пен, заходи и присядь рядом с сестрой.

– Нет! – Пен вскрикнула так неожиданно, что все подпрыгнули. – Она притворяется! Разве вы не видите? Она ненастоящая! Вы что, не видите

разницы?

Она смотрела на Трисс взглядом, который, казалось, может раскалывать камни.

– Пен. – В голосе отца звучало предостережение. – Сейчас же войди и…

– Нет! – отчаянно выкрикнула Пен, широко распахнув глаза, и вылетела из комнаты.

Торопливые шаги удалялись, оставляя за собой эхо.

– Не иди за ней, – тихо сказал отец, когда мать привстала. – Помнишь, что нам говорили? Это значит поощрять ее вниманием.

Мать устало вздохнула, но послушно села обратно. Она заметила, что Трисс сидит скорчившись, прижимая ухо к коленям и уставившись в распахнутую дверь.

– Не обращай на нее внимания, – ласково сказала мать, сжав ладонь Трисс. – Ты же знаешь, какая она.

«Разве? Я знаю, какая она? Моя сестра, Пенни, Пен. Ей девять лет. Она часто болеет тонзиллитом. Ее первый молочный зуб выпал, когда она кого-то кусала. У нее был волнистый попугайчик, но она за ним не ухаживала, и он умер. Она лжет. Ворует. Скандалит и швыряется вещами. И… и ненавидит меня. Вправду ненавидит. Я вижу это в ее глазах. И не знаю почему».

Мать еще побыла с Трисс, предложила ей повырезать детали для платьев большими ножницами с черепаховой рукояткой, лежавшими в большой швейной коробке, которую мать взяла с собой в поездку. Ножницы щелкали медленно и хрипло, будто смакуя каждый дюйм.

Трисс помнила, что она всегда любила прикалывать выкройки к ткани, вырезать и наблюдать, как ткань медленно обретает форму, сверкая булавками и демонстрируя неподшитые края. Выкройки сопровождались изображениями леди в пастельных тонах, некоторые из них были одеты в длинные пальто и

шляпы колокольчиком, некоторые – в тюрбаны и длинные прямые платья с бахромой. Все они стояли в непринужденных позах, словно вот-вот зевнут самым элегантным образом. Она знала, что это удовольствие – помогать матери с шитьем. Это было их обычное занятие, когда Трисс болела.

Однако сегодня руки ее не слушались. Большие ножницы казались невероятно тяжелыми и сопротивлялись, как живые, пальцы соскальзывали. После того как она второй раз чуть не порезалась, мать забрала их у нее.

– Тебе еще нехорошо, верно, милая? Может, ты полистаешь комиксы?

На прикроватном столике лежали зачитанные экземпляры «Санбим» и «Голден Пенни». Но Трисс не могла сосредоточиться на страницах. Она помнила, что болела и прежде. Много-много раз. Но она была уверена, что еще никогда не просыпалась с таким туманом в голове.

«Что с моими руками? Что с моей головой? – хотелось ей крикнуть. – Мамочка, помоги мне, пожалуйста, помоги мне, все такое странное, и все не так, и мне кажется, что мой мозг состоит из кусочков и части не хватает…»

Но, попытавшись сформулировать, в чем заключается странность, она вся сжалась. «Если я расскажу родителям, – вдруг подумала она, – они встревожатся, а если они встревожатся, значит, дело серьезное. Но если я промолчу, они будут и дальше твердить мне, что все в порядке, и, может быть, все и правда наладится».

– Мама… – Голос Трисс звучал едва слышно. Она уставилась на кучку тканей, лежавших на кровати. Они казались ранеными, искалеченными и беспомощными. – Я… я в порядке, правда? Это не очень… плохо… что я не все помню из наших каникул?

Мать внимательно изучила ее лицо, и Трисс поразилась, до чего же голубые у нее глаза – как стеклянное ожерелье на шее. Ясные и хрупкие, точно как бусины. Добрый чистый взгляд, который из-за любой мелочи может превратиться в испуганный.

– О, милая, я уверена, что память к тебе вернется. Доктор ведь обещал, не так ли? – Мать закончила шов, улыбнулась и встала. – Послушай, у меня идея.

Почему бы тебе не пролистать свой дневник? Может, так ты вспомнишь.

Она достала из-под кровати выцветший красный кожаный чемоданчик с инициалами ТК в углу и положила его Трисс на колени.

«Подарок на день рождения. Я знаю, что мне очень нравится этот чемоданчик и я повсюду беру его с собой. Но я не помню, как он открывается». Однако немного возни с застежкой – и готово.

Внутри лежали вещи, взволновавшие ее, частицы ее жизни. Одежда. Перчатки. Еще одна пара перчаток на более холодные дни. Сборник стихов «Павлиний пирог»[1 - Сборник стихов английского поэта и писателя Уолтера де ла Мара (1853–1956), наиболее известного своими произведениями для детей и фантастическими рассказами.]. Пудреница, похожая на мамину, но меньше, с зеркальцем, но без пудры. А в самом низу – тетрадь в синем кожаном переплете.

Трисс достала свой дневник, открыла и хрипло вскрикнула. Половина тетради была исписана ее мелким аккуратным почерком, она это знала. Но эти страницы были вырваны, остались лишь неровные обрывки бумаги, на которых там и сям сохранились завитушки и петли букв. Ее взору открылись пустые страницы. Взволнованная криком Трисс, мать подошла к ней и несколько секунд просто смотрела.

– Не верю… – наконец прошептала она. – Из всех дурацких злых проделок… О, это просто предел всему! – Она вышла из комнаты. – Пен! ПЕН!

Трисс услышала, как ее шаги простучали вверх по лестнице, а потом донеслись звуки дергаемой ручки и трясущейся двери.

– Что такое? – послышался голос ее отца.

– Снова Пен! На этот раз она вырвала половину страниц из дневника Трисс. И не открывает дверь. Мне кажется, она подперла ее какой-то мебелью.

– Если она хочет сидеть в заточении, пусть, – ответил отец. – Рано или поздно ей придется выйти и ответить за свои поступки. И она это знает.

Все это было произнесено четко и громко – наверняка для того, чтобы быть услышанным.

Мать Трисс снова вернулась в ее комнату.

– Ох, лягушонок, мне так жаль. Что ж… надеюсь, она просто спрятала страницы, и мы вклеим их обратно, когда найдем. – Она села на кровать рядом с Трисс, вздохнула и внимательно посмотрела в чемодан. – Дорогая, давай убедимся, что больше ничего не пропало.

Как оказалось, исчезли и другие вещи. Расческа Трисс, ее фотография верхом на ослике на пляже и носовой платок, на котором она с гордостью вышила свое имя.

– Я знаю, что все это было у тебя вчера перед несчастным случаем, – пробормотала мама. – Ты делала записи в дневнике. Я помогала тебе расчесать волосы. Ох, Пен! Не знаю, почему она мучает тебя, милая.

Зрелище истерзанного дневника наполнило Трисс тем же самым леденящим неуютным чувством, что и упоминание о Гриммере. Она испугалась, сама не зная почему, и не хотела об этом думать. «Все в порядке, – сказала она сама себе. – Просто Пен глупая и жестокая».

Трисс подумала, что ей следовало бы разозлиться, но, по правде говоря, в том, что вместо нее сердились родители, было что-то успокаивающее и знакомое. Такое чувство, словно она свернулась клубочком внутри каштановой кожуры под защитой ее пушистой мягкости, а колючки торчат наружу. Как подсказывала память, это был обычный ход вещей. Теперь, если она скривит губы, словно собираясь заплакать, все домочадцы забегают вокруг нее, пытаясь ее успокоить… И, даже не собираясь это делать, она почувствовала, как ее лицо искажается плаксивой гримасой.

– О Трисс! – Мать обняла ее. – Ты голодна? Есть грибной суп, как ты любишь, и пирог с мясом и почками, если сможешь проглотить хоть кусочек. А может, рулет с джемом? И консервированные груши?

Неуютное сосущее чувство в желудке Трисс усилилось при одной мысли о еде, и она поняла, что зверски голодна. Она кивнула. Мать поднялась на второй этаж и

постучала в дверь Пен в надежде выманить ее на обед. Даже из своей комнаты Трисс слышала пронзительные неразборчивые протесты сестры.

– …Не пойду… Она ненастоящая… вы все слепые… Мать вернулась с едва заметным выражением недовольства на лице.

– Это чересчур даже для Пен. Не припомню, чтобы она когда-нибудь отказывалась от еды. – Она взглянула на Трисс с утомленной улыбкой. – Что ж, по крайней мере, тебе не придется терпеть ее упрямство.

Оказалось, Трисс смогла не просто «проглотить кусочек». Как только она увидела поднос с тарелкой супа и хрустящими булочками, ее руки затряслись. Все вокруг перестало иметь значение. Едва поднос оказался у нее на коленях, она не могла больше себя контролировать, рассыпая крошки, разрывая булочки и запихивая их себе в рот. Куски хлеба сухо перекатывались у нее на языке и хрустели на зубах. Суп исчез в мгновение ока, и она едва заметила, что он обжигает губы. Пирог, картофель и помидоры были уничтожены в голодной лихорадке, за ними последовали рулет, груши и большая порция миндального пирожного. Только когда она потянулась за добавкой пирожного, мать придержала ее за запястье.

– Трисс, Трисс! Милая, я так рада, что к тебе быстро вернулся аппетит, но тебе будет плохо!

Трисс недоуменно уставилась на нее, и постепенно комната вернулась в фокус. Она не чувствовала, что объелась. Она вполне могла бы управиться с еще одним куском пирожного размером со слона. Ее испачканные руки все еще тряслись, но она заставила себя вытереться салфеткой и сжала ладони между коленей, чтобы не схватить что-нибудь еще. Тем временем в дверях показалась голова отца, он вопросительно взглянул на мать.

– Селеста, – его голос был подчеркнуто тихим и мягким, – можно тебя на пару слов? – Он бросил взгляд на Трисс и ласково ей улыбнулся.

Мать помогла Трисс лечь в постель, забрала поднос и вышла из комнаты, унося теплоту, спокойствие и запах пудры для лица. Как только дверь закрылась, Трисс снова оказалась в когтях паники. Что-то в голосе отца вызвало у нее тревогу.

«Можно тебя на пару слов? Туда, где Трисс нас не услышит?»

Она сглотнула, отодвинула одеяла и скользнула на пол. Ноги слушались плохо, но она была не так слаба, как ожидала. Она тихо прокралась к двери и приоткрыла ее. Отсюда она могла слышать голоса в гостиной.

– …И инспектор обещал поспрашивать в деревне на случай, если кто-то видел, как она упала в воду. – У ее отца был глубокий приятный голос с хрипотцой, вызвавший у Трисс ассоциации с грубым мехом. – Он только что заходил поговорить. Прошлым вечером на закате кто-то из местных шел мимо луга. Они не видели Трисс около Гриммера, но заметили двух мужчин на берегу. Невысокого в котелке и рослого в сером пальто. А на дороге около луга была припаркована машина, Селеста.

– Какая машина? – спросила мать приглушенным тоном человека, который уже знает ответ.

– Большой черный «даймлер».

Повисла длинная пауза.

– Это не может быть он. – Теперь ее мать говорила быстро, высоким голосом, словно портновские ножницы обрезали ее слова так, чтобы они стали короткими и испуганными. – Вероятно, это просто совпадение, в мире не один «даймлер»…

– В этих краях? В деревне вряд ли найдется две таких машины. Кто может позволить себе «даймлер»?

– Ты сказал, что все кончено! – Голос матери становился выше и тревожнее, словно свисток закипающего чайника. – Ты сказал, что обрубил с ним все связи!

– Я сказал, что покончил с ним, и теперь он это знает, если читал свежие газеты. Но, возможно, он еще не покончил со мной.

Глава 2

Гнилые яблоки

Услышав движение в гостиной, Трисс аккуратно закрыла дверь и юркнула в постель, мысли вертелись пропеллером в ее голове. «Они думают, что на меня кто-то напал. Это правда?» Она снова попыталась сосредоточиться на Гриммере – и снова ничего, только внутренняя дрожь и трепет.

Кто этот «он», о котором говорили ее родители и с которым, по словам отца, он покончил? Если «он» настолько ужасен, почему отец вообще имел с ним какие-то связи? Все это напоминало криминальные фильмы, которые так любит Пен и в которых хорошие люди связываются с бандитами и гангстерами. Но отец наверняка не мог связаться с людьми такого сорта! В груди Трисс защемило при одной мысли об этом. Больше всего на свете она гордилась своим отцом. Ей так нравилось, как люди поднимали брови в изумлении, когда знакомились с ним. «Мистер Пирс Кресчент? Инженер, построивший мост Трех Дев и новый вокзал? Какая честь познакомиться с вами, сэр! Вы построили много чудесного в нашем городе».

Иметь отца-инженера означало видеть карты планируемых дорог за завтраком. Наблюдать, как отец распечатывает письма от мэра, речь в которых шла о строительстве новых мостов и общественных зданий. Чертежи ее отца меняли лицо Элчестера.

Трисс подпрыгнула, когда открылась дверь и мать вошла в комнату. Пудра на ее щеках лежала плотнее – верный знак, что она уходила успокоиться и привести лицо в порядок.

– Я только что разговаривала с папой. Мы считаем, что надо сократить отпуск и вернуться домой завтра утром, – спокойно и беззаботно объявила мать. – Знакомая обстановка – то, что надо, чтобы ты поскорее выздоровела.

– Мама… – Трисс поколебалась, не желая признаваться, что подслушивала, но потом нашла компромисс. – Ты не закрыла дверь, был сквозняк, и когда я встала закрыть ее… услышала, как ты говорила, что у Гриммера кто-то был вчера вечером. – Трисс подергала мать за рукав. – Кто?

– О, никто, дорогуша! Какие-то цыгане. Ничего такого, о чем тебе стоит беспокоиться.

«Цыгане? В котелке и на „даймлере”?»

Видимо, на лице Трисс отразилось смятение, потому что мать села на постель рядом с ней, взяла ее за руки и наконец посмотрела в глаза.

– Никто не хочет причинить тебе вред, лягушонок, – очень серьезно произнесла она, – а даже если это не так, мы с отцом никогда, никогда не позволим, чтобы с тобой случилось что-то плохое. Понимаешь?

Ее слова звучали бы убедительно, если бы кристально-голубые глаза не сияли столь ярко. Каждый раз, видя эту болезненную напряженность в лице матери, Трисс понимала, что она думает о Себастиане. Его призвали в армию в феврале 1918 года, вскоре после того, как Трисс исполнилось шесть. В том же году война закончилась, и Трисс помнила празднование с флагами и подбрасыванием шляп. Тогда она еще не знала, как изменился мир вокруг, и думала только о возвращении Себастиана домой. Потом пришло известие, что он не вернется, она немного подумала и в смятении решила, что первые вести были ложными, война не закончилась.

В каком-то смысле она была права. Война закончилась, но не ушла. Она все еще оставалась повсюду. Как и Себастиан. Он умер, но не ушел. Его смерть нанесла невидимый ущерб. Его отсутствие пробило огромную дыру во всем. Даже Пен, которая его почти не помнила, обходила эту дыру стороной. Трисс начала болеть вскоре после окончания войны, и она смутно понимала, что ее болезнь имеет какое-то отношение к Себастиану. Болеть – это была ее работа. Служить объектом для защиты – это была ее работа. А сейчас ее работой было кивнуть.

Она кивнула.

– Умница, – сказала мать, погладив Трисс по щеке. Трисс попыталась улыбнуться. Подслушанный разговор занозой сидел в ее мозгу.

– Мама? Я… я прочитала все свои комиксы и книги уже сто раз. Можно… можно мне почитать папину газету?

Мать пошла спросить разрешения у отца и вернулась с экземпляром «Стража Элчестера». Она зажгла лампы, при этом каждый стеклянный шар издал легкий успокаивающий щелчок, загораясь, и оставила Трисс одну.

Трисс аккуратно развернула газету, чувствуя себя обманщицей. Что сказал отец? «Я сказал, что покончил с ним, и теперь он это знает, если читал свежие газеты». В газете есть что-то, из чего загадочный «он» должен был узнать, что ее отец больше не хочет иметь с ним дела. Если так, возможно, она найдет это.

Газету уже читали и складывали, кое-где размазав типографскую краску, и ее измученный лихорадкой мозг тоже чувствовал себя смазанным. Ее глаза скользили от заголовка к заголовку, понимая так мало, что иногда ей приходилось перечитывать одно и то же несколько раз. Большая часть новостей была скучна. Статьи о новой модели омнибусов, которую запустят в Элчестере по примеру Лондона. Фотография длинной очереди безработных с грубыми угрюмыми лицами, державших шляпы в руках. Игра в вист и танцы для сбора денег в местную больницу. И на пятой странице упоминание о Пирсе Кресченте, отце Трисс.

Ничего интересного. Речь шла о Мидоусвит – новом районе, над которым работал ее отец, за границей Элчестера, но в пределах досягаемости новой трамвайной линии. В статье были даже чертежи, показывающие, как это будет выглядеть: ряды домов спускаются по холму и смотрят на устье Эла. Отец Трисс помогал спроектировать дороги, террасы на склонах и лодочные причалы. В статье говорилось, что это «отступление» для «инженера, известного благодаря огромным новаторским сооружениям». Однако это явно не означало, что Пирс Кресчент порывает связи с преступным миром, и Трисс поймала себя на мысли, что, если бы это было так, эта история была бы ближе к первой полосе.

«Возможно, я что-то не так услышала. Возможно, я все выдумала. Возможно… возможно, я все еще нездорова».

Той ночью Трисс лежала без сна, наблюдая за неверным светом приглушенных ламп и шоколадно-коричневыми пауками, перебегающими по потолку из угла в угол. Каждый раз, закрывая глаза, она чувствовала, что в мышиной норе на краю сознания ее подстерегают сны, норовя схватить и унести куда-то, куда она не хочет идти.

Неожиданно мир наполнился тайнами, от которых ей становилось плохо. Она напугана. Сбита с толку. И голодна, слишком голодна, чтобы уснуть. Слишком голодна, чтобы думать или беспокоиться о чем-то еще. Она несколько раз нерешительно тянулась к колокольчику, но потом вспомнила обеспокоенное лицо матери во время ужина, который Трисс проглотила с таким же волчьим аппетитом, что и обед. «Хватит, лягушонок. До завтрака больше никакой еды, ясно?»

Но она умирает с голоду! Как ей уснуть в таком состоянии? Она подумала было прокрасться на кухню и обчистить кладовую. Это вскроется, но на один позорный отчаянный миг она подумала, что сможет свалить кражу на Пен. Нет, Трисс так умоляла дать ей добавки, что родители наверняка заподозрят ее.

Что же ей делать? Она села, грызя ногти, потом подскочила, когда под дуновением ветра в окно постучалась листва. Она представила сук дерева, обильно покрытый листьями и отяжелевший от яблок.

Окно не открывали годами, но Трисс так отчаянно дернула, что оно задрожало и приподнялось, плюнув пылью и хлопьями засохшей краски. Холодный ветер ворвался в комнату, взметнув страницы газеты у ее изголовья, но она могла думать только о молодых яблоках, прячущихся в листве и блестевших в слабом свете комнатных ламп. Она набросилась на них, отрывая от веток, засовывая в рот одно за другим и с дрожью облегчения впиваясь в них зубами. Яблоки были неспелые и такие вяжущие, что рот сразу онемел, но ей было все равно. Вскоре Трисс смотрела на голые ветви, а голод продолжал прогрызать зияющую дыру в ее внутренностях.

Спальня располагалась на первом этаже, и что могло быть более естественным, чем забраться на подоконник и спрыгнуть на землю? Мягкую траву покрывала свежая роса. Холод обжег ее ноги, но это казалось неважным.

Лишь несколько веток были достаточно низкими, чтобы она могла сорвать с них фрукты, но когда эти яблоки закончились, она упала на четвереньки и начала шарить по земле в поисках паданцев. Некоторые были свежими, едва тронутыми гнилью, другие – карамельного цвета и мягкие, испещренные гусеничными ходами. Они растекались у нее в пальцах, когда она хватала их и засовывала в рот. Сладкие и горькие, сгнившие до мягкости – ей было все равно.

Только когда в траве не осталось больше яблок, ее лихорадка начала стихать, и Трисс почувствовала дрожь от холода, боль в оцарапанных коленках и неприятный вкус во рту. Она села на корточки, прерывисто дыша и не зная, плакать или попытаться вызвать рвоту. Трясущимися руками вытерла липкие кислые потеки на щеках и подбородке. Она не осмеливалась взглянуть на огрызки, боясь увидеть извивающиеся в них тени.

«Что со мной не так?» Даже сейчас, после дикого обжорства, она чувствовала, что новый приступ голода скоро нахлынет, как волна, чтобы затопить ее.

Неверные шаги привели ее к стене сада. Осыпающаяся от ветхости, она была достаточно низкой, чтобы Трисс смогла на нее забраться и сесть, подтянув колени под тонкой ночной рубашкой. Под ней простиралась гравиевая дорога, идущая мимо коттеджа, и, проследив за ней взглядом, Трисс увидела, что она изгибается, спускаясь по кочковатому холму к отдаленной деревне, которая отсюда виделась не более чем скоплением огней. Перед ней она заметила треугольник луга, в лунном свете казавшегося грифельно-серым. Дальше маячили слабо освещенные окна, а за ними… узкая полоска черноты, словно открывшийся шрам.

Гриммер. Ей показалось, что она разваливается на части. Все ее понимание того-как-быть-Трисс, которое она аккуратно, по крупинкам собирала весь день, снова рассыпалось – в один миг. «Что-то случилось со мной в Гриммере. Мне надо посмотреть на него. Я должна вспомнить». Она совершила марш-бросок вниз по холму, по колючей траве, минуя широкие повороты дороги. Грубые стебли и чертополох кололи ее ступни и щиколотки, когда она бежала по неровному склону, но она думала только о Гриммере.

С каждым шагом угольно-черный прищуренный глаз Гриммера становился все ближе и ближе. Колени Трисс ослабели, но теперь, казалось, спуск сам нес ее вперед. Гриммер рос и рос и к тому времени, как она добралась до луга, перестал быть простым шрамом в земле и превратился в узкий пруд, достаточно длинный, чтобы проглотить четыре автобуса. Над его водами ивы разметали свои длинные косы, дергаясь под порывами ветра, словно от плача. На темной поверхности Трисс разглядела белые бутоны водяных лилий, похожие на маленькие руки, тянущиеся из-под воды. Откуда-то снизу время от времени доносились вороватые шорохи и стуки. Птицы. Наверняка птицы. Конечно, никто не подстерегает ее в кустах, – откуда им знать, что она обязательно вернется?

Неуверенные шаги привели ее на зеленый берег. Она резко остановилась у края воды и в первый раз по-настоящему ощутила холод. Именно здесь сотни лет назад топили ведьм. Именно здесь находили свой конец самоубийцы. На берегу была заметна мешанина из грязи, трава вырвана с корнем и виднелись следы пальцев. «Вот где я выбралась из воды. Судя по всему. Но почему я упала?»

Она надеялась найти здесь воспоминания, которые помогут ей обрести твердую почву под ногами. Но когда память вернулась, она не принесла утешения. Только страх. Падение… Трисс вспомнила ледяную темноту, холодную воду, затекающую в нос, рот и горло. Кажется, она вспомнила, как смотрит вверх сквозь коричневую толщу, барахтается и видит над собой две темные фигуры, очертания которых колеблются и расплываются от движения воды. Две фигуры стоят на берегу, одна выше, чем другая. Но на поверхность пыталось всплыть еще одно воспоминание, что-то случившееся прямо перед этим…

«Здесь что-то стряслось, что-то, что никогда не должно было произойти. Я передумала. Не хочу вспоминать».

Но слишком поздно, она уже здесь, и Гриммер наблюдает за ней своим огромным темным прищуром, как будто в любой момент может широко открыть свой глаз и уставиться на нее. А потом, по мере того как росла паника, ее разум захлопнулся, как книга, и инстинкты взяли верх. Она развернулась и побежала подальше от воды по траве и вверх по холму, к дому, со скоростью и ужасом преследуемого зайца.

Глава 3

Абсолютно неправильный мир

Шесть дней», – послышался смех. «Шесть дней», – прошуршали старые высохшие газеты. Но когда Трисс проснулась, слова опять растаяли, превратившись в шепот листьев за окном.

Трисс открыла глаза. Что-то кололо ей щеку. Она потянулась, вытащила сухой лист из волос и уставилась на него. Постепенно она вспомнила, что делала

накануне вечером. Она и правда вылезла через окно, объелась паданцев, а потом пришла на берег Гриммера в надежде, что он заговорит с ней? Она прокладывала путь среди воспоминаний с неверием, словно хозяин, изучающий грязь, ночью занесенную в дом лисами. В волосах нашлись еще листья, она торопливо выбрала их и выкинула из окна. Грязные ноги вытерла носовым платком. Ее ночная рубашка испачкалась и покрылась пятнами, но, может быть, ей удастся тайком пронести ее в прачечную.

«Никто меня не видел. Никто не знает, что я сделала. И если я никому не расскажу, то будто ничего и не было. И я не стану это больше делать. Сегодня мне лучше. Я оденусь, пойду завтракать, и все увидят, что я выгляжу намного лучше… и это станет правдой».

Мать встретила ее появление с радостью:

– Трисс! Ты встала! О, как хорошо, что тебе лучше.

Голод наконец сломил защиту Пен. Она поставила свой стул как можно дальше от остальных членов семьи и обиженно склонила голову над тарелкой. И ела с видом приговоренного узника. С фермы только что принесли и сварили свежие яйца, аккуратно усадив их в подставки рядом с тостами. Волчья стая, завладевшая желудком Трисс, все еще хотела пищи, но она заставила себя есть медленно и аккуратно и остановилась, доев свою порцию.

«Вот видите? Мне сегодня лучше».

После завтрака они отправятся домой. Все будет в порядке, как только они вернутся.

Оказавшись в своей комнате, Трисс быстро сложила вещи в свой красный чемоданчик. Последней была Ангелина, ее кукла. Красивая большая немецкая кукла размером с младенца. Ее лицо не сияло, как обычно фарфор, но обладало матовым блеском живой кожи, аккуратно нарисованными ресницами и изящными бровями. Нарисованные губы приоткрывались, демонстрируя белые зубки. Кудрявые волосы были светло-каштановыми, как у самой Трисс, и одета она была в бело-зеленое платье с узорами в виде плюща.

Разум Трисс сыграл с ней странную шутку и она смотрела на свои вещи так, словно видит их впервые. Незнакомая мысль своевольно закралась ей в голову. «Как будто мне все еще шесть лет. Как будто я в том возрасте, когда погиб Себастиан». Она уставилась на Ангелину со странным ощущением, словно в ней заворочался червячок стыда и удивления.

– Что ты здесь делаешь? – тихо спросила она. – Мне одиннадцать лет. Почему я до сих пор ношу с собой куклу?

Эти слова еще висели в воздухе, когда кукла в ее руках шевельнулась. Сначала задвигались глаза – прекрасные серо-зеленые стеклянные глаза. Они медленно повернулись, уставившись в лицо Трисс. Потом открылся маленький ротик.

– Что ты здесь делаешь? – эхом повторила она слова Трисс с яростью и изумлением, голосом холодным и мелодичным, как звон чашки. – Ты что о себе возомнила? Это моя семья.

Воздух покинул легкие Трисс. Тело застыло, иначе кукла, без сомнения, выпала бы из ее рук. «Это фокус, – отчаянно сказала она себе. – Должно быть, это проделки Пен».

Она почувствовала, как кукла шевелится, хватается за рукава Трисс и садится, запрокидывая голову, чтобы лучше рассмотреть ее. Стеклянные глаза сфокусировались, кукла вздрогнула и задрожала. Ротик открылся, и она издала низкий неестественный стон ужаса.

– Нет! – всхлипнула она и задергалась, ее голос переходил на крик. – Ты неправильная! Не трогай меня! Помогите! Помогите! Уберите ее от меня!

Она замахала крошечными фарфоровыми кулачками, и ее крик перешел на одну пронзительную ноту, словно сирена. Сквозь окно Трисс заметила, что ласточки в ужасе выпорхнули из своих гнезд под свесом крыши. Побелка на потолке треснула, и посыпалась краска. Рот куклы открылся еще шире, и от ее вопля начало резать в ушах. Трисс была уверена, что все домашние и проходящие мимо остановились в изумлении.

– Прекрати! Прекрати! – Она потрясла куклу, но бесполезно. – Пожалуйста!

В панике она попыталась заткнуть куклу шерстяной шалью, но только слегка приглушила крик. Наконец в приступе крайнего отчаяния она изо всех сил швырнула куклу через всю комнату. Звук, с которым та ударилась головой об стену, прозвучал выстрелом, и вопль стих, сменившись леденящей тишиной.

Трисс приблизилась к Ангелине. Бум… бум… бум… Ее сердце колотилось так, как полицейский колотит в двери преступника. Она перевернула куклу носком туфли. Лицо Ангелины треснуло от уха до уха. Ее рот все еще был открыт, и глаза тоже. Трисс упала на колени.

– Извини, – испуганно прошептала она. – Я… я не хотела…

Ее найдут на коленях перед Ангелиной, как убийцу над трупом. Запаниковав, она вытащила часть дров из корзины рядом с камином, засунула сломанную куклу поглубже и вернула дрова на место. Может быть, никто не найдет ее до отъезда.

Дверь неожиданно распахнулась в тот момент, когда Трисс поднялась на ноги. Она резко повернулась с виноватым видом, в горле пересохло. Наверняка кто-то пришел узнать, что за ужасные крики. Что она может придумать в качестве объяснения?

– Ты готова? – Ее отец был одет в пальто и водительские перчатки.

Трисс молча кивнула. Он глянул в окно.

– Что-то птицы расшумелись этим утром, не так ли? На улице, ожидая, когда отец заведет машину, Трисс спрятала руки глубоко в карманах, чтобы никто не видел, как они дрожат.

Со всех сторон она была окружена любовью, и при этом еще никогда Трисс не чувствовала себя такой одинокой. Она никому не могла рассказать, что только что произошло. На самом деле чем дольше она молчала, тем труднее было заговорить. И что она могла сказать?

«Ангелина пошевелилась и заговорила, а потом закричала. И я ее убила. Этого не было, этого не было, этого не было… Но если этого не было, тогда это все в

моей голове. Значит, со мной что-то не так. Значит, я очень-очень больна».

Обычно болеть было хорошо и даже спокойно. Но это какая-то неправильная болезнь. Трисс не хотела, чтобы болезнь была у нее в голове. Одна мысль об этом вызывала такой же ужас, как если бы она смотрела в темный колодец без дна. Если она скажет родителям, что у нее что-то не так с головой, они не отнесутся к этому с обычной добротой, не станут давать ей комиксы и новые таблетки и утешать ее словами «не перенапрягайся, пока не окрепнешь». Они будут серьезно волноваться и слушаться докторов. «Я не хочу, чтобы меня увезли и гипнотизировали или делали дырки в голове…»

Так что Трисс молча стояла у машины, сгорбившись под золотистыми утренними лучами, и чувствовала себя чудовищем. Каждый раз, когда ее родители возвращались в дом за очередной забытой вещью, она напрягалась. «Пожалуйста, не смотрите в корзину с дровами. Давайте поедем, пожалуйста, давайте скорее поедем…»

Она чуть не выпрыгнула из кожи, когда из дома послышался громкий крик отца.

– Я нашел ее! – В голосе угадывалось напряжение и едва сдерживаемый гнев.

Сердце Трисс упало. Но отец вынес на свет солнца не Ангелину. Это оказалась залитая слезами Пен. Девочка вопила и пыталась ударить отца пятками по коленям.

– Она пряталась на чердаке.

– Я не поеду! – Слова Пен можно было понять с трудом. Ее приступы ярости сопровождались гримасами и топаньем ног. Обычно она кричала до хрипа, и ее неразборчивые слова терялись в торнадо ее злости. – …Увидите, она лжет… вы не заставите меня сидеть с ней… всех вас ненавижу!

Трисс скользнула на заднее сиденье через одну дверь, а Пен засунули через другую. В машине Пен с враждебным видом свернулась в тугой клубок и прижалась к двери, чтобы оказаться как можно дальше от Трисс. «Она считает, что я притворяюсь больной, – вяло подумала Трисс. – Притворяюсь, чтобы привлечь внимание. Внимание, которое хочет заполучить она. Если бы только она была права». Отец Трисс сел на водительское сиденье и повернул ключ.

Раздался негромкий визг, потом двигатель фыркнул и заурчал. Наконец, наконец-то они поехали.

Семейным автомобилем был блестящий «санбим» мятного цвета с фарами, похожими на удивленные круглые глаза. День был ярким, поэтому крышу машины опустили, и Кресченты ехали под открытым небом и солнцем. С почти болезненным облегчением Трисс наблюдала, как их коттедж исчез вдали, и вот они уже неслись по дорогам на головокружительных тридцати милях в час. Волосы Трисс развевались вокруг лица, и по мере того как место преступления оставалось все дальше, узлы в ее желудке ослаблялись. Может быть, болезнь тоже можно оставить позади, точно как плохо припрятанный трупик.

Холмы вставали под ними дыбом, словно дурные ослы, а дорога извивалась, будто пытаясь их сбросить. Склоны изгибались, вздымались и опускались по бокам машины. Потом промелькнул написанный белой краской знак. Оксфорд туда, восемьдесят пять миль, Элчестер сюда, двадцать миль. Трисс прислонилась щекой к прохладной деревянной панели на двери автомобиля, цепляясь за знакомые ощущения. «Я в безопасности. Я еду домой, в Элчестер».

Первое, что бросается в глаза на подъезде к Элчестеру, – это мосты под общим названием «Три Девы».

Самая впечатляющая из Дев пересекает широкое устье реки Эл одним длинным элегантным пролетом, изящная арка моста, покрашенная в песочно-золотой цвет, на фоне сверкающей голубой воды видна на мили вокруг. Второй мост вытянулся высоко над городом, поддерживаемый восемью элчестерскими холмами, один из которых недавно был увенчан зданием из бледно-розового камня в форме пирамиды – строящимся вокзалом. Последний мост соединяет город с противоположным склоном долины. Все три моста поддерживают в воздухе недавно построенную железную дорогу.

Все сходились на том, что до сооружения Трех Дев Элчестер был «на спаде», что означало медленную и печальную гибель – так разрушается замок из песка под каплями дождя. Потом Пирс Кресчент выступил со своими планами по строительству Трех Дев и продемонстрировал, что, несмотря на наступающую реку и неудобные холмы, в Элчестер можно проложить железную дорогу. Все называли мосты чудом инженерной мысли. Они всё изменили, деньги поплыли в город рекой, и теперь Кресчент был одним из самых известных и уважаемых людей в Элчестере.

При виде Трех Дев Трисс всегда охватывала гордость. Когда «санбим» повернул на широкую магистраль, идущую вдоль сверкающей глади Эла в сторону нахохлившейся серо-черепичной громады Элчестера, она вертелась до тех пор, пока могла держать в поле зрения мосты. Но сегодня ощущение теплоты сменилось горьким послевкусием, когда она вспомнила подслушанный разговор и газетную статью. Если кто-то действительно пытался напугать отца, имеет ли это отношение к его работе?

Отец Трисс не поехал в суетливое холмистое сердце Элчестера с его лабиринтом мостов и зигзагами лестниц. Вместо этого он свернул в более спокойные районы, где аккуратными квадратами стояли большие трехэтажные дома и у каждого был маленький парк. «Санбим» въехал в один из таких парков, и Трисс на заднем сиденье медленно выдохнула. Дома.

Трисс вошла следом за членами семьи в дом, и ее сердце упало. Она ожидала, что, как только она вернется, все сразу встанет на свои места. Переполненная вешалка для шляп, вощеный паркетный пол и приглушенно-желтые обои в китайском стиле были знакомы или казались знакомыми, но внутри ничего не щелкнуло.

– О боже, кто это натворил? – Мать Трисс указала на комья земли на гладком чистом полу. – Кто из вас забыл вытереть ноги? Пен?

– Почему ты смотришь на меня? – взорвалась Пен, однако ее яростный взгляд был направлен на Трисс, а не на мать. – Почему все всегда думают, что это я?

Она с грохотом взлетела вверх по лестнице, и послышался стук сердито захлопнутой двери. Мать вздохнула.

– Потому что это всегда так, Пен, – утомленно пробормотала она, потирая переносицу.

– Маргарет позаботится об этом завтра, когда придет, – сказал Пирс, успокаивающе кладя руку на плечо жены.

Маргарет – женщина, которая приходила к Кресчентам по утрам на пару часов, чтобы прибраться.

– О, надо предупредить Маргарет, что мы рано вернулись, – вздохнула мать. – Найти кухарку и сказать ей, что мы уже дома и она нам нужна. Я сказала, что она может взять отпуск на несколько дней, пока мы в отъезде, и если она уехала к сестре в Честерфилд, не знаю, что мы будем делать. Надо убедиться, что эта девушка, Донован, выехала, и написать в агентство по найму с просьбой найти другую гувернантку. И если я не пошлю весточку мяснику и пекарю, завтра нам ничего не привезут.

В памяти Трисс что-то шевельнулось. «Девушка Донован» – это мисс Донован, последняя гувернантка дочерей Кресчент, которую только что уволили за ветреность. Предыдущие гувернантки получали замечания за «молчаливую надменность», «излишнюю самоуверенность» и за то, что водили девочек в музеи и парки, где Трисс могла простудиться. Трисс больше не волновалась по поводу гувернанток. Если она позволит себе привязаться к кому-то из них или стараться хорошо делать уроки, она будет тосковать, когда они уйдут.

– Селеста, – тихо проговорил отец с нарочитым спокойствием, – может быть, первым делом ты хочешь посмотреть, не пришли ли новые письма, пока мы были в отъезде?

Мать бросила вопросительный взгляд в сторону пустой корзины, где собиралась домашняя почта, потом в ее весенне-голубых глазах мелькнуло понимание. Она облизнула губы и повернулась к Трисс с теплой мягкой улыбкой.

– Милая, ты не хочешь подняться наверх, разобрать вещи и прилечь отдохнуть?

Само воплощение покорности, Трисс кивнула и направилась к себе. Однако, выйдя на лестничную площадку и оказавшись невидимой для родителей, она остановилась. Опять это. Разговор за ее спиной. Жуя губу, она открыла и закрыла ближайшую дверь, изображая, что входит в комнату. Прислонившись к стене, она ждала и вскоре была вознаграждена звуком голосов.

– Пирс, ты имеешь в виду те письма? Я думала, мы договорились, что больше не будем читать письма от того человека…

– Я знаю, но прямо сейчас нам надо понять, это он напал на Трисс или нет. Если он пытается запугать меня, возможно, там будет письмо от него самого, а не как

обычно. Если он отправил в наш адрес угрозы или требования, по крайней мере, мы будем знать.

Услышав шаги по ступенькам, Трисс собралась бежать, и ее охватила паника, просочившаяся в нее, словно холодная вода в туфли. «Какая из этих комнат моя?» Но нельзя было терять ни минуты. Шаги приближались к лестничной площадке. Трисс открыла ближайшую дверь, юркнула внутрь, быстро и аккуратно прикрыв ее за собой.

Темную комнату освещали только солнечные лучи, едва проникавшие сквозь плотные янтарно-желтые занавески. Воздух пах усталостью, как пахнут старые вещи, аккуратно сложенные в ожидании особого случая, который так и не наступает. Трисс затаила дыхание и прижалась ухом к двери. Снаружи донеслись звуки шагов, поднимавшихся по лестнице, тяжелых шагов, по которым она поняла, что это отец. Вскоре она услышала, как он разговаривает в кабинете своим громким, ясным «телефонным» голосом. Телефон в доме появился относительно недавно и все еще раздражал своей новизной и резкими настойчивыми звонками. Иногда было такое впечатление, будто отец Трисс считал, что должен подавить его силой характера, на случай если телефон захочет завладеть домом.

Трисс испытала облегчение. «Он меня не услышал. Но где я? Это не моя комната. Она слишком большая для меня». Ее глаза медленно приспособились к полумраку, и Трисс охватило беспокойство, когда она осознала, насколько сильно промахнулась. «О нет, только не здесь! Мне нельзя здесь находиться!»

Конечно, она узнала комнату. Ничего не изменилось с тех пор, когда она заходила сюда в последний раз. Ничего не сдвинулось с места. Кровать застелена чистым бельем. Выщербленная поверхность стола вытерта и отполирована. Телескоп тоскует в углу, сложив треножник, словно лапы мертвой долгоножки. На верхней полке стоят книги об исследовании Арктики, астрономии и самолетах-истребителях, а также ряд потрепанных детективов в зелено-желтых обложках. На нижней полке от края до края аккуратно расставлены фотографии. По мере того как ее взгляд скользил по полке, мальчик превращался в юношу, а потом в мужчину, и на последней фотографии он был запечатлен в военной форме и с напряженным лицом человека, ожидающего подходящий момент, чтобы задать очень важный вопрос. Себастиан.

Время от времени Трисс приводили в эту комнату, словно в гости к больному родственнику. Однако вторгнуться сюда без разрешения считалось худшим из проступков, практически святотатством. Трисс знала, что ей надо немедленно уйти отсюда, но поймала себя на том, что ее охватило преступное волнение. Она двинулась в глубь комнаты.

Спальня производила впечатление храма. Было очевидно, что это священное место с множеством правил, которые ты рискуешь нарушить. Себастиан и правда был храмом, и все обладали сокровенным знанием, что и когда они должны чувствовать.

«Сейчас мы подумаем о милосердии. Сейчас мы пожалеем бедных. Сейчас мы простим наших врагов. Все мы очень любили Себастиана. Все мы очень расстроились, когда он погиб. Все мы вспоминаем его каждый день».

«А я?» Трисс с любопытством провела пальцем по стеклу фотографии в военной форме. На пальце осталась полоска пыли. «Я любила его? Мне грустно? Я его вспоминаю?» У Трисс было сильное, но расплывчатое чувство, что когда-то все было лучше и все были счастливее. В ее мыслях Себастиан был связан с этими «лучше» и «счастливее».

Она вспомнила смех. Себастиан говорил то, что никто другой не осмеливался сказать, и от этого она смеялась. А теперь Себастиан был другим, особенным – тем, кто нуждался, чтобы о его вещах заботились еще больше, чем о ней. Тем, кто ничего не говорил во время семейных бесед, но чье отсутствие оставляло водовороты и вихри в словах других людей.

Если Трисс застигнут здесь, даже у нее будут неприятности. Может, у нее и есть особые привилегии оттого, что она на грани смерти, но он перешел эту грань и тем самым превзошел ее. Атмосфера комнаты так ошеломляла, что Трисс не сразу осознала, что слышит отчетливые быстрые шаги матери, поднимающейся по лестнице. Скрипнула ступенька, и, к своему ужасу, Трисс увидела, что ручка двери поворачивается. «Мама идет сюда!»

Спрятаться можно было только в одном месте. Трисс бросилась на пол и забилась под кровать в тот момент, когда дверь распахнулась. «Я же обычно не веду себя так, – беспомощно подумала она, когда в поле ее зрения появились обтянутые чулками щиколотки матери и туфли с пряжками. – Я не шарю по

чужим комнатам, не прячусь и не шпионю». Но все же она лежала тихо, как мышь, и наблюдала, как ее мать включает свет, садится за стол и отпирает ящик.

Сквозь бахрому покрывала Трисс видела, как мать осторожно приоткрыла ящик стола буквально на полдюйма. В щели сразу же показались бумажные уголки, словно в ящик натолкали кучу конвертов и они пытались вырваться наружу. Губы матери сжались, и ее рука нервно дернулась, как будто конверты были горячими и она боялась к ним прикоснуться. Потом она сжала челюсти, вынула один конверт и разорвала его.

Лицо матери не изменилось. Не изменилось, но Трисс почувствовала, что она прикладывает большие усилия, чтобы сохранять бесстрастность. Трисс находилась слишком далеко, чтобы разобрать слова, но ее поразила белизна бумаги. Она выглядела чистой, хрустящей и новой – в комнате, где ничего не должно быть чистым, хрустящим или новым. Руки матери задрожали. Наконец она издала жалобный всхлип – нечто среднее между стоном и вздохом, затолкала конверт и письмо обратно, захлопнула ящик и заперла его на ключ.

Письма. Стол Себастиана был полон недавно пришедших писем. Ее мать пришла посмотреть, нет ли новых.

Но почему они лежат в столе Себастиана? Кто их сюда положил? И как они могли проникнуть в дом, в запертый ящик? Вся сцена представлялась сном, нелепым, но пропитанным неизмеримыми зловещими смыслами, полным знакомых вещей, превратившихся в чужие. Неожиданно весь мир показался Трисс абсолютно неправильным.

Глава 4

Война

Было ужасно неловко слышать, как плачет мать. Облегчение наступило, когда она высморкалась и совладала с собой, осторожно вытерев слезы кончиками двух пальцев, чтобы не размазать макияж. Она положила ключ от ящика в

карман, встала и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь с такой осторожностью, как будто в пустой кровати спал больной.

Трисс оставалась на месте, прислушиваясь к шагам матери, удалявшимся в сторону лестницы.

Где-то закрылась дверь, и оттуда донеслось неразборчивое бормотание. Наконец Трисс осмелилась выползти из-под кровати. Запертый ящик манил ее, и она слегка подергала ручку, но тщетно – он не поддался. Сделав глубокий вдох, она мягко открыла дверь и выскользнула наружу. Коридор был пуст, и Трисс вознесла небесам безмолвную молитву, подойдя к двери напротив.

«Пожалуйста, пусть это будет моя комната…» К своему облегчению, она оказалась в маленькой комнатке, которую сразу же узнала. Лоскутное одеяло на кровати, новая книжка «Феи цветов»[2 - Книга английской художницы Сесиль Мэри Баркер (1895–1973), прославившейся изображениями фей и эльфов.] на прикроватном столике, лимонного цвета обои… да, это ее комната. Она слабо пахла рыбьим жиром и саше в шкафу. Под ногами – знакомая шероховатость старого продолговатого пятна от какао, от которого так и не смогли отчистить ковер.

Волна облегчения охватила ее, потом утратила свою пузырящуюся радость и схлынула, оставив Трисс выдохшейся и беспокойной. Даже ее маленькое убежище больше не дарило ей чувство защищенности и покоя. «Мать сказала, что письма приходят от того человека, из-за которого они беспокоятся. Они думают, он напал на меня, поэтому увезли меня домой, где я буду в безопасности. Но если он оставлял письма в столе Себастиана, значит, он как-то попал в комнату. Дом небезопасен. Кем бы он ни был, он может сюда проникнуть».

В углу комнаты возвышался гардероб. Воображение Трисс сразу же населило его затаившимися убийцами. Однако, когда она распахнула дверь, на нее смотрели только безобидные хлопковые платья. Повинуясь импульсу, она провела пальцами по кружевным воротничкам, пытаясь разбудить память. Ее рука замерла на кремовом блейзере с соломенной шляпкой, болтавшейся на той же вешалке. Вещи действительно взволновали ее память, но также вызвали болезненный комок чувств.

Два года назад Трисс носила эти вещи во время краткого пребывания в подготовительной школе Святой Бриджит. Ей нравилось ходить в школу, но из-за нее она заболела. Трисс не замечала, что посещение школы заставляет ее болеть. На самом деле ей казалось, что она становится лучше, веселее и счастливее. Проведя значительную часть жизни в одном доме, она уходила из него каждое утро с почти болезненным возбуждением. Но ее родители изменились, стали недовольны и сердиты. Все было не так и неправильно, и в глубине души она чувствовала, что это ее вина. Часто они щупали ее лоб за завтраком, приходили к выводу, что она слишком взволнованна, и оставляли ее дома. Каждый день расспрашивали ее о школе и заявляли, что учителя довольно нерадивы в чем-то, чего она не замечала.

Однажды Трисс поймали за разговорами на уроке и оставили после занятий. Прошло всего десять минут, но ее родители впали в ярость. После взаимных обвинений Кресченты забрали обеих дочерей из школы. Трисс умоляла отца позволить ей остаться, отчего он разволновался еще больше, чем прежде. Он делает все это ради нее. Он ее защищает. Почему она пытается повернуться к дому спиной? Потом она много часов проплакала, пока ее не затошнило и не заболела голова. Разумеется, тогда она поняла, что она действительно больна и ее родители во всем правы.

Осознание того, что эта форма теперь ей мала, наполнило Трисс тоской и печалью, а также чувством вины за эти ощущения. Она закрыла дверь шкафа, чтобы не видеть форму, и ей показалось, что периферическим зрением она уловила какое-то движение. Она напряглась и с обостренными до предела чувствами обвела взглядом комнату. Все вокруг было неподвижно, но кто-то смотрел на нее. С туалетного и прикроватного столиков на нее уставились тряпичные куклы, сшитые матерью, французская кукла с вишневым ротиком и фарфоровая балерина, которую ей подарил отец после ее первой серьезной лихорадки, почти в качестве вознаграждения. В любой другой день их присутствие успокаивало, но сегодня, по мере того как Трисс смотрела на них, она могла думать только о расколотом лице Ангелины. Они были неподвижны – не более чем немые мягкие свертки из ткани и фарфора. Или они просто не шевелятся, наблюдая за ней в ожидании, когда она отведет взгляд, и тогда…

«Прекратите на меня смотреть». Мысль, что все они могут медленно поворачивать головы, следя за ней, звенеть фарфоровыми голосками или кричать, была невыносимой. Соскочив с кровати, Трисс схватила наволочку, торопливо свалила в нее всех кукол и завязала узлом. В поисках места, куда

спрятать кулек, она выдвинула ящик и замерла. Внутри лежали дневники, которые она вела годами, все с разными – кожаными или тканевыми – обложками. Все были открыты, и оборванные края бумаги демонстрировали, где вырваны страницы.

Они были изуродованы точно так же, как дневник, который она взяла в поездку.

Это все меняло. Один испорченный дневник еще куда ни шло, в порыве импульсивной злобы это вполне могла натворить Пен, если бы ей подвернулась возможность. Уничтожение семи дневников в двух разных местах подразумевало метод и план. Неужели Пен действительно настолько организованна? Может, это вообще не Пен. Может, загадочный враг отца побывал в комнате Трисс и обыскал ее вещи.

– Мама!

Трисс хотела позвать мать, но из ее горла вырвался лишь слабый хрип. В следующий миг, ощутив страх и растерянность при виде искалеченных тетрадей, она быстро закрыла ящик, радуясь, что никто ее не слышал.

Она засунула узелок с куклами в шкаф и нырнула в постель. Долгое время девочка оставалась совершенно неподвижной, прислушиваясь к малейшему звуку. Тишина.

Запахи еды добрались даже до воздвигнутой из одеял крепости Трисс. Судя по всему, повариха, миссис Бассет, нашлась. Как бы сильно Трисс ни пыталась сосредоточиться на обдумывании всего произошедшего, вскоре ее мозг стал рабом желудка и все внимание сфокусировалось на зияющей пустоте внутри. Когда позвали на обед, ей потребовалась вся сила воли, чтобы спуститься по лестнице шагом, а не бегом. К счастью, родители были заняты и не обратили внимания на то, что ее порция исчезла практически сразу, как перед ней поставили тарелку, и не заметили, что она украдкой положила себе добавку.

Трисс не понимала, как они могут так тихо и спокойно сидеть за столом и говорить на заурядные темы, словно они имеют хоть какое-то значение. Мать жаловалась на то, что кухарка попросила выходной во вторник взамен обещанного отпуска.

Пен снова не спустилась к обеду, и это была настоящая пытка для Трисс – наблюдать, как еда сестры постепенно остывает на столе. Только крепко сжав руки на коленях, она удержалась от того, чтобы не схватить ее порцию.

– Она так ослабеет, – вздохнула мать. – Трисс, будь умницей, отнеси ей тарелку в комнату. Если она не ответит, оставь под дверью.

– Хорошо! – Трисс с трудом подавила желание бежать, пока ее мать ставила еду на поднос.

Унося обед Пен по лестнице, Трисс едва дождалась, пока скроется из поля зрения родителей, и яростно набросилась на еду. «Один кусочек картофеля, она даже не заметит. И… вот этот ломтик бекона. И морковку». Потребовалось недюжинное самообладание, чтобы остановиться, и Трисс торопливо подошла к комнате Пен, чтобы скорее избавиться от соблазна.

– Пен? – тихо окликнула она, постучав в дверь и надеясь, что не ошиблась с комнатой. – Твой обед!

Ответа не было. Трисс задумалась, сидит ли Пен угрюмо внутри, игнорируя ее, или выбралась через окно и убежала в знак протеста. Трисс поставила поднос на пол.

– Пен, оставляю его под дверью.

«Пожалуйста, подойди и возьми еду, Пен. Пожалуйста! Не думаю, что я смогу совладать с собой, если ты этого не сделаешь». Пен не появилась. Запах, тянувшийся от тарелки, щекотал нос Трисс, и даже закрыв глаза, она продолжала видеть пирог с золотистой корочкой и блестящей подливой и крупицы перца на нежной мякоти картофеля…

Это уже слишком. Со слабым беспомощным всхлипом Трисс упала на колени и схватила вилку. Еда Пен была вкуснее, чем ее собственная, вкуснее, чем что бы то ни было. Она попыталась растянуть удовольствие, но не смогла. Попыталась остановиться, но не смогла. С жадностью облизывая тарелку, она услышала знакомый голос в кабинете отца, кабинете, который должен быть пустым. Трисс поставила пустую тарелку на поднос и осторожно двинулась в сторону кабинета. Приложив ухо к двери, она услышала голос, очень похожий на Пен, тихий и

настойчивый. Заглянув в замочную скважину, Трисс убедилась, что это и правда Пен. Ее младшая сестра стояла спиной к ней, но Трисс видела, чем она занята. Она позволяла себе вольности с самым священным и внушающим благоговение предметом – домашним телефоном. Брови Трисс изумленно поднялись. Она не удивилась бы сильнее, даже если бы Пен одолжила семейный автомобиль покататься.

Это был блестящий черный телефон, висящий на стене, и поэтому для него нужна была только одна рука вместо двух[3 - Речь идет о старинном телефоне, в котором микрофон приходилось держать одной рукой, а динамик – другой.]. Он располагался на такой высоте, чтобы им было удобно пользоваться отцу Трисс, и Пен пришлось подставить стул и встать на цыпочки, чтобы ее лицо стало вровень с микрофоном. Ее правая рука прижимала маленькую коническую слуховую трубку к уху.

Трисс не могла разобрать слов. Ее сестра на этом насесте выглядела совершенно нелепо, словно маленький ребенок, притворяющийся взрослым в игре «верю – не верю». Только приглушенный голос Пен заставлял поверить, что дело серьезное. Пока Трисс наблюдала, Пен повесила трубку на крюк и слезла со стула. Трисс выпрямилась, и через несколько секунд Пен открыла дверь кабинета. Обнаружив себя лицом к лицу с Трисс, Пен застыла, и ее лицо превратилось в маску вины и ужаса.

– С кем ты разговаривала, Пен? – спросила Трисс.

Пен сделала глубокий вдох, но не смогла заговорить. Ее лицо покраснело и исказилось, Трисс прямо видела, как сестра торопливо перебирает варианты лжи и возражений в поисках подходящего. Потом взгляд Пен упал на пустую тарелку, а когда снова обратился на Трисс, стыд сменился яростью и неверием.

– Ты съела мой обед! – Ее голос был пронзительным до крика. – Это ведь ты сделала, да? Ты съела его! Ты украла мой обед!

– Ты не спустилась поесть! – возразила Трисс, ощетиниваясь. – Я стучала, я пыталась предложить его тебе…

– Я… я расскажу маме и папе! – Пен задыхалась от злости и, казалось, вот-вот взорвется от возмущения.

– Они тебе не поверят. – Трисс не собиралась это говорить. Она подумала об этом, но не собиралась произносить слова вслух. Однако это была правда, и Трисс увидела, как понимание отражается на лице сестры вместе с досадой и яростью.

– Ты думаешь, что можешь делать все, что в голову взбредет? – резко и с горечью сказала Пен. – Ты думаешь, что победила? Но нет.

– Пен… – Трисс попыталась сгладить углы. – Извини, что я съела твой обед. Я… – Она хотела было сказать, что поделится с Пен ужином, но знала, что не сдержит обещание. – Я хочу помириться с тобой. Пожалуйста, давай прекратим. Почему ты меня так ненавидишь?

Упорная враждебность Пен на фоне всего происходящего была совершенно невыносима.

– Ты что, шутишь? – На лице Пен выразилось неверие. Она подалась вперед, всматриваясь в Трисс, и ее взгляд был полон бульдожьей ярости. – Я знаю насчет тебя. Я знаю, что ты такое. Я видела, как ты выбралась из Гриммера. Я там была.

– Ты была там? – Трисс шагнула вперед, и ее сестра отшатнулась. – Пен, ты должна мне все рассказать! Ты видела, как я упала? Что произошло?

– О, прекрати! – отрезала Пен. – Ты считаешь себя очень умной, да? – Она звучно сглотнула и сжала челюсти с таким видом, будто больше всего на свете хотела кого-нибудь укусить. – Знаешь что? Ты не такая умная. Ты делаешь все не совсем правильно. Все. Все время. И рано или поздно они заметят. Они поймут.

На лице Пен читалось не что иное, как объявление войны. Ее непонятные слова бурлили и крутились в голове Трисс, словно стая пираний, на смену отчаянию пришли досада и возмущение. Она хотела почувствовать себя виноватой за то, что съела обед Пен, хотела объясниться с ней, но все эти намерения были сметены горечью и жалящим ощущением несправедливости. Так было всегда, наконец вспомнила она. Пытаешься протянуть руку, а в ответ получаешь от Пен только изобретательную и упрямую ненависть.

– Ты лжешь, не так ли? – прошипела Трисс. – Ты ничего не видела. Ты просто пытаешься меня напугать. Врунишка!

Ее охватило страстное желание нанести ответный удар, и со сладким ощущением собственной власти она осознала, что, если захочет, легко причинит Пен неприятности. «Я могу сказать им, что она кричала и у меня разболелась голова». Как только эта мысль промелькнула, ей показалось, что ее голова и правда заболела, что Пен заставила ее чувствовать себя нехорошо. «И я могу сказать им, что она была в тот день у Гриммера, родители заставят ее рассказать».

– Девочки? – Внизу лестницы появилась мать. – Девочки, вы что, ссоритесь?

Девочки застыли и невольно переглянулись – скорее как заговорщики, чем противники. Если ссоры не было, ни у кого из них не будет проблем. С другой стороны, если одна из них начнет оправдываться, второй придется оправдываться еще сильнее и громче. Кто больше потеряет от потока обвинений?

Трисс только что была на грани того, чтобы позвать родителей, передать им слова Пен и рассказать о недозволенном звонке. Но сейчас мужество оставило ее. Несмотря на ярость, в глубине души она чувствовала страх и подозрение, что Пен действительно знает о ней что-то ужасное, что-то, чего не стоит знать родителям.

– Нет, – мрачно ответила Пен, – мы не ссоримся. Я просто… говорила Трисс кое-что, что ей надо сделать. Громко.

– Правда? – Мать подняла брови.

– Да. Видишь ли… – Взгляд Пен украдкой скользнул по лицу Трисс. – Трисс принесла мне обед, и я сказала ей, что не голодна. А она… да, так что я попросила ее съесть мою еду. И она съела.

Мать вопросительно посмотрела на Трисс. Рот Трисс пересох. Пен могла обвинить ее в краже обеда. Но без всякой очевидной причины сестра сняла ее с крючка.

Чувствуя себя так, будто ей в глаз ткнули оливковую ветвь[4 - Оливковая ветвь – символ примирения в Библии.], Трисс медленно кивнула, подтверждая слова Пен.

– О Трисс! – В словах ее матери прозвучало беспокойство.

– Понимаешь, она все время голодна, – продолжила Пен, хмуро глядя на свои поцарапанные туфли. – На самом деле голодна. Я говорю это, потому что она должна была сама тебе сказать, вдруг это значит, что она еще больна. Но она просто не хотела тебя беспокоить.

– Трисс! Милая! – Мать опустилась перед ней на колени и крепко обняла ее. – Тебе следовало мне сказать! Ты всегда можешь говорить мне обо всем, что тебя беспокоит, бедный лягушонок!

– Мама, – тихо-тихо спросила Пен, – с Трисс все будет хорошо? – Она наморщила лоб и слегка скривила рот с таким видом, словно она совсем малышка, боящаяся темноты. – Она все еще больна? Я так сильно испугалась вчера вечером… Когда увидела ее в саду… Она так странно себя вела.

Кровь Трисс застыла в жилах. «Маленькая гадюка! Вчера ночью она видела меня под яблоней. Должно быть, смотрела в окно». Мать снова посмотрела на Трисс, но в ее взгляде не было ни обвинения, ни подозрения, только намек на растерянную улыбку.

– В саду?

– Понятия не имею, о чем она говорит. – Трисс удивилась, как ей удалось произнести эти слова таким ровным убедительным голосом с легкой ноткой удивления.

– Да, это самое страшное, – пробормотала Пен. Она протянула руку и провела пальцем по складке материнской юбки, словно в поисках утешения. – Я и правда сомневаюсь, что Трисс что-то помнит. Но я ее видела, и она долго ползала в грязи среди гнилых яблок. Наверняка ее ночная рубашка испачкалась…

– Трисс, дорогая… – Голос матери был очень мягким, и с упавшим сердцем Трисс поняла, о чем ее сейчас попросят. – Ты не могла бы принести свою ночную рубашку? Будь умницей.

Вернувшись в комнату, Трисс попыталась ногтями отскрести грязь и пятна травы, но безуспешно. Другой ночнушки у нее не было. Ее шея и лицо горели, когда она принесла испачканную скомканную тряпку матери, та развернула ее и начала молча рассматривать. На краткий миг Трисс поймала тяжелый, оценивающий взгляд Пен. Весь разговор был ловушкой. Трисс могла только беспомощно наблюдать, как перед ней разверзается яма.

– Пен звонила по телефону отца. – Слова падали изо рта Трисс, как камни, холодные и горькие на вкус.

– Нет! – На лице Пен изобразилось чистосердечное непонимание, такое правдоподобное, что Трисс почти ей поверила. – Мама, почему Трисс так говорит?

– Она лжет! – запротестовала Трисс. – Она вечно лжет! – Однако в первый раз она увидела, как качели настроения ее матери поколебались и угрожающе наклонились в другую сторону.

– Нет! – Пен чуть не плакала. – Трисс действительно сказала, что ей послышались голоса в кабинете, когда она поднялась сюда, и что звуки были такие, словно кто-то говорит по телефону, но тут никого не было! Никаких голосов! Мама, она меня пугает!

– Девочки, ждите здесь.

Мать быстрым шагом ушла к лестнице и через несколько секунд вернулась с отцом, одарившим их короткой рассеянной улыбкой, не затронувшей глаза. Он вошел в кабинет, и Трисс услышала, как он громко говорит с телефонным оператором, интересуясь, совершались ли в этот день звонки.

Вернувшись, он присел перед Трисс, вздохнул и посмотрел ей в глаза:

– Подумай хорошенько, Трисс. Когда тебе показалось, что Пен звонит по телефону?

– Только что, – прошептала Трисс. Его слова уже сказали ей все, что ей надо было знать. Не «когда ты видела, что Пен звонит по телефону», а «когда тебе показалось, что Пен звонит по телефону».

Должно быть, оператор сказал отцу, что звонков из их дома не было. Что это может означать? Может быть, Пен просто притворялась? Могла ли она устроить такое представление, чтобы заставить Трисс выглядеть сумасшедшей? Или… возможно ли, что Пен вообще не входила в кабинет и что Трисс показалось?

Мать обняла Трисс.

– Все хорошо, – сказала она очень-очень нежно.

Кровь в венах Трисс заледенела.

Глава 5

Мраморные шары

Родители Трисс были добры. Слишком добры. Они поговорили с ней в гостиной, потом отец позвонил доктору и записал ее на прием на завтра. Не о чем беспокоиться, сказали они. Она не сделала ничего плохого. Это просто следствие болезни, но они отведут ее к доктору, который о ней позаботится. Доктор увидит ее насквозь, она была уверена. С первого взгляда поймет, насколько она больна. «Видит то, чего нет. Убивает кукол. Поедает гнилые яблоки». Но ни одна из привычных стратегий Трисс не сработала. «Я не хочу идти к доктору, мне это не нравится, у меня разболится голова, его кабинет странно пахнет, я боюсь…»

В конце концов она прекратила попытки соскочить с крючка, увидев выражение отцовского лица. На нем были написаны боль и усталость, каких она никогда прежде не видела, и он казался старше. Она не могла пережить, что по ее вине

отец выглядит старше.

– Трисс, нет нужды бояться. – Он притянул ее к себе на колени и обнял. Его пиджак пах привычными отцовскими запахами: трубочным табаком, кремом для волос и теплым запахом кожи, по всей видимости, его собственным. От этого она почувствовала себя чуть более защищенной. – Все будет хорошо. Ты сходишь к доктору, моя храбрая девочка, и я буду гордиться тобой, как всегда. Я знаю, что ты испугана и сбита с толку, но ничего плохого не случится. Ты же мне веришь, правда?

Трисс безмолвно кивнула, прижимаясь щекой к лацкану. Но ее продолжало жалить воспоминание о странных подслушанных разговорах, словно старая заноза, потревоженная неловким жестом. Ее кивок был ложью. Конечно, она не могла полностью доверять ему.

– А если ты будешь очень хорошей и очень храброй, после визита к доктору я отведу тебя на Марли-стрит и мы купим тебе новую ночную рубашку. И красивое, нарядное платье. Как тебе?

Трисс заколебалась, потом снова медленно кивнула. Новое, нарядное платье означало, что он все еще любит ее и что она все еще его Трисс. Нарядные платья означали вечеринки, то есть ее не запрут в лечебнице для душевнобольных. Трисс почувствовала, как мать гладит ее по голове, и с облегчением ощутила, что к ней возвращается привычная власть. Они беспокоятся о ней, но все еще на ее стороне и сделают что угодно, лишь бы у нее не дрожала нижняя губа. Однако это чувство безопасности было мимолетным. Пен не удовлетворится своей последней выходкой. Она уже планирует что-то новое, и Трисс ощутила, как ее собственные ярость и находчивость обостряются, готовясь к схватке.

Трисс провела бессонную ночь, ей не давали уснуть мысли и стук дождя. Даже когда она погружалась в сон, он был неглубоким и беспокойным, и ее одолевали видения. Ей снилось, что она пришла в лавку портного снять мерки, но, когда сняла платье, чтобы померить новое, обнаружила, что снизу на ней надето еще одно платье. Она сняла его тоже, только чтобы обнаружить, что под ним еще одно. Она снимала платье за платьем, становясь все худее и худее, пока наконец не поняла, что вот-вот – и от нее ничего не останется, кроме кучи одежды и бестелесных стонов. Но портной заставлял ее снимать платье за платьем и все время хихикал, и его смех шуршал, как листья.

– Пять, – проскрежетал он, вздрагивая от смеха. – Осталось только пять дней.

Трисс проснулась, дернувшись. Ее сердце испуганно колотилось, пока она не поняла, где находится, и не успокоила себя, убедив, что ее руки и ноги не из ткани.

– Трисс! Пен! Завтрак!

Услышав, что мать зовет их с первого этажа, Трисс собралась с мыслями, выскочила из постели и быстро оделась. Проводя щеткой по волосам, в одной из прядей она обнаружила маленькие сухие частицы. С дурным предчувствием Трисс уставилась в зеркало на туалетном столике. Ее трясущиеся пальцы извлекли из волос нечто коричневое и сморщенное. Мертвый лист.

– Но… но я не выходила на улицу прошлой ночью! – беспомощно воскликнула она. – Не на этот раз! Я этого не делала! Не делала! Это… это… нечестно!

В ее глазах помутнело и запекло, но слезы не полились. Моргать было трудно и больно. «Я не могла выйти на улицу прошлой ночью и не помнить этого. Или могла?» На сброшенной ночной рубашке не было пятен от травы, но, когда Трисс изучила пол, она обнаружила стебли соломы и маленькие крошки, похожие на засохшую грязь. Возможно, это ничего не значило. Возможно, она принесла их на туфлях накануне. Когда она попыталась открыть окно, оно не сразу поддалось, и осыпалась старая краска, давая понять, что его давно не трогали.

Она увидела, как в парке перед домом листья деревьев оседают под ударами дождя. На скользком темном тротуаре крошечными зеркальцами поблескивали капли, ударяясь о землю. «Всю ночь шел дождь. Просыпаясь, я все время слышала его стук. Так что, если бы я выходила, мои волосы и ночная рубашка промокли бы. И на полу была бы влажная грязь, а не сухая. Я не могла выходить».

Ее разум отталкивал картину того, как она выпрыгивает из окна, как сумасшедшая, и бежит сначала по одному саду, потом по другому, пожирая плоды и копаясь в мусорных корзинах, словно оголодавшая кошка. В голове нарисовалась другая картина: Пен прокрадывается в ее комнату с пригоршнями грязи и сухих листьев, чтобы разбросать их по полу и насыпать в волосы Трисс.

«Неужели она правда могла это сделать? Пен ненавидит меня. Она была бы счастлива, если бы я сейчас сбежала по лестнице, рыдая и жалуясь на сухие листья в волосах. Она хочет, чтобы я казалась сумасшедшей, ведь тогда меня запрут в больнице. Тогда все внимание достанется ей. Ради этого она сделает что угодно.

Но я не позволю ей избавиться от меня. Не позволю ей победить. Я пойду к этому доктору и сделаю, что он скажет, а потом покажу всем, что он меня вылечил. И не позволю ей увидеть, что мне страшно».

Трисс очень аккуратно расчесала волосы, вытерла грязь с пола и пошла вниз, напустив на себя как можно более спокойный вид. Ей предстоит битва.

Ближе к вечеру отец повез Трисс в город, и капли дождя стучали по брезентовой крыше автомобиля. Каждый раз, когда они останавливались на перекрестке, ожидая, когда полицейский в белых перчатках даст знак двигаться дальше, стайки мальчиков и девочек в поношенной одежде собирались у дороги и глазели на «санбим». Каждый раз Трисс сохраняла неподвижность, как будто она их не видела, и смотрела вдаль, в то время как дождь жемчужинами растекался по стеклу. Она припоминала, как некогда наслаждалась знанием, что другим детям любопытно, кто это едет в такой шикарной машине. Запотевшее стекло между ними было магическим окном в другой мир, словно киноэкран. Она могла оказаться принцессой или кинозвездой. Но сегодня она не чувствовала себя шикарной и не хотела быть особенной или загадочной. Она чувствовала себя маленькой и несчастной, и этим утром мир снаружи казался большим, тревожным и похожим на сон.

Дорога являла собой хаос. Мимо более крупных транспортных средств с грохотом проносились мотоциклы, чертя колесами короткие линии на влажной дороге. Покачивались телеги, и бока лошадей блестели, словно лакированные. По сверкающим рельсам стучали, вздрагивая, трамваи, и обмылки неулыбчивых лиц выглядывали из их окон.

Элчестер, расположившийся на восьми горбатых холмах, всегда был городом мостов. Улицы струились по склонам, спускались и снова поднимались. Самые нижние ныряли под старые арочные мосты из камня, вздымавшиеся, словно дрожжевое тесто. Ярусом выше выгибались крутые викторианские мосты, украшенные гербом города. А еще выше торжественно раскинулись Три Девы. С любой высокой точки города можно было видеть замысловатое переплетение

улиц, широких и узких, время от времени исчезающих в темных пролетах. Сегодня все арки мостов скрывал занавес из падающих капель.

Кабинет доктора Меллоуза располагался на крутой улице в северной части города, где стояли высокие неприветливые дома из коричневого кирпича в одном из высоких неприветливых кирпичных домов с вытаращенными глазами окон. Отец Трисс аккуратно припарковался, выровняв большие колеса вдоль тротуара и убедившись, что машина не покатится под горку.

Прихожая и приемная по цвету напоминали розово-зеленые пилюли и пахли чистотой. Секретарша, на один глаз которой спадали кудряшки, узнала Трисс и широко улыбнулась ей накрашенными красной помадой губами.

– Да, доктор Меллоуз ожидает вас. Войдете прямо сейчас?

– Сначала я бы хотел переговорить с доктором Меллоузом, если можно, – быстро сказал отец Трисс.

Трисс оставили в приемном покое, она сидела, чувствуя себя больной. Через пять минут отец вышел, улыбнулся ей особенной улыбкой и погладил по волосам.

– Доктор Меллоуз готов принять тебя. Я подожду здесь.

Трисс проводили в кабинет доктора, он сидел за столом. Это был высокий седой мужчина едва за пятьдесят с успокаивающим рокочущим голосом, исходящим откуда-то из глубины его грудной клетки. Она так часто видела его за свою жизнь, что он был ей все равно что еще один дядюшка.

– Итак, как поживает моя юная героиня? Мой маленький солдат? – Его обычное приветствие. В его глазах поблескивало все то же сочетание юмора и одобрения. Единственным отличием на этот раз было то, что на его столе лежали три большие книги, одна из которых была открыта. – О, не смотри так испуганно! Сегодня никаких пилюль и иголок – ничего, что тебя испугает. Мы просто поговорим. Садись.

Трисс села в удобное кресло по другую сторону стола и бросила быстрый взгляд на книги перед доктором. Она прочла название на корешке одной из них: «Исследования по истерии». Колонтитул открытой книги гласил: «Эго и Оно».

– Я слышал, что ты перенесла сильную лихорадку. Как ты себя чувствуешь?

– Намного лучше. – Трисс заставила свой голос звучать жизнерадостно.

– Но… но не совсем хорошо? Кое-что не в порядке, верно? – Доктор наблюдал за ней с тем же самым блеском в глазах, подушечкой пальца поглаживая уголок страницы. – Расскажешь?

И Трисс рассказала. Она поведала, что чувствует себя хорошо, но ее мучает голод сильнее обычного. Что ей кажется, будто она ходила во сне, когда семья проводила отпуск в коттедже, и немного испугалась из-за этого. Когда он спросил, беспокоит ли ее что-нибудь еще, она склонила голову набок, словно собираясь с мыслями, подумала немного, потом беспечно покачала головой.

Когда доктор Меллоуз спросил ее о вчерашнем случае, когда ей показалось, что Пен говорит по телефону, Трисс нахмурилась, изобразила уныние и нежелание говорить.

– Вы… вы же не сделаете так, что все будут сердиться на Пен, правда? Только… я думаю, может, это было что-то… вроде шутки. Думаю, она притворилась, что говорит по телефону, чтобы я всем рассказала и выглядела дурочкой. Она… иногда такое делает. Но вы же никому не скажете? У нее не будет неприятностей?

Она закусила губу и взглянула на доктора и по его лицу поняла, как она выглядит в его глазах. Храбрая, осаждаемая, давно страдающая жертва злой сестры.

– И ты боишься, что, если у нее будут неприятности, она отыграется на тебе, смею предположить. – Он вздохнул. – Да, я понимаю. Не беспокойся, я буду молчать.

Трисс медленно выдохнула, пытаясь не показать, как убыстрился ее пульс. «В эту игру могут играть двое, Пен».

– Что ж, ладненько. – Доктор Меллоуз улыбнулся Трисс, и, несмотря на его слова, ей привиделась легкая тень разочарования в его глазах.

– Вы можете сделать так, чтобы я перестала ходить во сне? – осторожно спросила она. – Все так расстраиваются по этому поводу, а я этого не хочу.

– Конечно, не хочешь. – Он ласково улыбнулся ей. – Что ж, посмотрим, что мы можем сделать. Юная Тереза, твой отец сказал мне, что, перед тем как заболеть, ты упала в мельничный пруд и не помнишь, как это было. Вообще не помнишь этот день, верно? Это правда?

Трисс кивнула.

– Позволь тебе объяснить. – Доктор продолжал тепло и ласково улыбаться ей. – Предположим, однажды ты проглотила мраморный шар. Не то чтобы я считал, что большая девочка вроде тебя может сделать такую глупость. Это только пример. Шар будет причинять тебе неприятности, пока не выйдет наружу. Ты его не видишь, возможно, ты даже не понимаешь, что является причиной твоих проблем, но у тебя ужасно болит живот. Иногда такое бывает с воспоминаниями. Если случается что-то, что нас пугает, или мы не хотим это помнить, мы проглатываем это, точно как мраморный шар. – Сейчас он говорил медленно и тщательно подбирая слова. – Мы не видим это воспоминание, но оно где-то внутри нас создает проблемы. Я думаю, именно поэтому ты ходишь во сне. Что-то вроде боли в животе, только в голове.

Эти слова казались такими безвредными в устах доктора, даже вполне обычными и домашними. Однако она услышала кое-что в его голосе. «Взрослые так говорят, только когда знают, что ты сильно расстроишься или обеспокоишься, если поймешь, что они имеют в виду».

– Значит… мне просто надо выплюнуть шар?

– Да, – с энтузиазмом кивнул доктор. – Именно. Фокус в том, чтобы вспомнить. Вынести мраморный шар на белый свет. Тогда он перестанет тебя беспокоить.

– Но это не означает, что я сумасшедшая? – Вопрос сорвался с губ до того, как она успела сдержаться.

Доктор удивленно посмотрел на нее, потом коротко рассмеялся:

– Нет, нет, нет! Множество людей ходят во сне, особенно юные особы вроде тебя. Не беспокойся. Ты же не видишь эльфов в своей каше, нет?

«Видишь что-то! Видишь что-то! Он знает! Все время знал!» Но во взгляде доктора, когда он закрыл книгу, не было ни сомнения, ни пристрастия. «Нет. Нет. Ничего он не знает. Он сказал это, чтобы я почувствовала себя лучше».

– А теперь становись на весы, и после этого я тебя отпущу.

Трисс повиновалась и едва заметила, что брови доктора поднялись, когда он следил за стрелкой, скользнувшей по нанесенным цифрам.

Выходя из приемной доктора следом за отцом, Трисс ощутила теплую волну облегчения, за которой последовал холодный душ глубокого беспокойства и презрения к себе. «Хорошая работа, Трисс, – пробормотал голосок в глубине ее души. – Ты его обманула. Ты обманула человека, который хотел тебе помочь. Теперь он не сможет это сделать».

Глава 6

Ножницы

Марли-стрит – одна из самых широких магистралей Элчестера, и теперь ее освещает электричество, а не газ. Стальные кронштейны крепились к верхушкам столбов, поддерживавших бегущие трамвайные провода, и от них исходил свет почти сверхъестественной яркости и белизны, словно дистиллированные лунные лучи. Он трансформировал улицу и делал все больше, громче, живее. Как будто все пешеходы находились на сцене и знали это. В сравнении с этим все предметы и люди на боковых улицах, освещенных мягким светом газовых ламп, казались меланхоличными и припыленными.

– Как обычно, к Ламберту? – спросил отец.

Это ее любимый магазин одежды, после секундного замешательства вспомнила Трисс. Здесь были куплены все ее самые любимые платья – после болезней: голубое шифоновое – после коклюша, хлопковое бледно-желтое – после трехдневной лихорадки.

Они остановились перед магазином. Над витриной в свете уличных фонарей светились золотые буквы: «Ламберт и дочери». Когда отец отвернулся, чтобы сложить зонт, Трисс прижалась к большому ярко освещенному окну, уклоняясь от капель воды, стекавших по навесу. За стеклом позировали пять гладких гипсовых манекенов с бледной серебристой кожей. Томные и нечеловечески стройные, они были одеты по самой последней моде и обладали абсолютно невыразительными лицами.

Трисс пришла в восхищение от их пастельных платьев с бахромой, и тут все пять фигур зашевелились. Очень медленно они повернули безглазые головы и уставились на нее, а потом повели плечами и подались вперед с выражением крайней заинтересованности.

– Нет!

Трисс отскочила назад под дождь. Она с трудом сглотнула и заставила себя отвести взгляд от витрины магазина. Если отец заметит, куда она смотрит, он может заинтересоваться, в чем дело. Что, если он тоже заметил, как они пошевелились? Или он не увидел вообще ничего странного?

– Мы можем пойти в какое-нибудь другое место? Я слышала, что на этой улице есть магазин лучше – вон там. – Чтобы придать правдоподобия своим словам, она слепо показала куда-то вдоль улицы, надеясь, что сможет найти по дороге другой магазин одежды.

– Разве? Хорошо, если хочешь. – Отец снова открыл зонт. – Как называется этот магазин?

– Я… я точно не помню, – ответила Трисс, испытав облегчение, когда они отошли от зловещих, наблюдавших за ней манекенов. Она продолжала идти, не

оглядываясь, и сердце колотилось у нее в груди. – Что-то вроде… вроде… Ах вот он!

У нее от души отлегло, когда они наткнулись на магазин с большими металлическими ножницами, висящими на изящной цепи над входом, – верный знак, что это лавка портного. Большая часть одежды на проволочных подставках в окне была мужской, но женские платья тоже имелись. Глаза Трейс метнулись к небесно-голубым буквам на дверью.

– «Грейс и Скарп», точно, это он!

– Хорошо. – Отец провел ладонью по ее влажным волосам. – Давай посмотрим, что у них есть?

Но, поднимаясь по ступенькам магазина ко входной двери, Трисс ощутила укол беспокойства. Это был не страх, но тянущее неуютное ощущение, будто она забыла что-то важное. В ее мозгу промелькнула мысль, но не страшная, а какая-то странная. Воспоминание о том, как вчера утром она сражалась с маминими ножницами, которые вели себя крайне недружелюбно.

Трисс толкнула дверь магазина, и тут раздался громкий звон. Что-то рухнуло на землю к ее ногам. Она уставилась на огромную пару ножниц, только что висевшую над дверью. Отец держал над ней зонт, и только это помешало лезвиям вонзиться ей в голову. Мир вокруг Трисс побелел, и на несколько секунд она утратила понимание происходящего. Реальными казались только гигантские ножницы у ее ног. Вокруг нее засуетились, и было такое впечатление, что больше всего суматохи производит ее отец. Остальные главным образом извинялись.

– Понятия не имею, почему цепь оборвалась… Мы поменяли ее только год назад…

Трисс и ее отца торопливо проводили в глубь сверкающего магазина, и кто-то устроил целый спектакль, промакивая носовым платком капли дождя на ее плечах, как будто тем самым можно отменить атаку ножниц.

– Здоровье моей дочери, – в состоянии крайней ярости объявил отец, – очень уязвимо. Ее нервы не выносят подобных потрясений!

Один тучный мужчина умудрился возвысить свой голос на фоне извиняющихся причитаний.

– Сэр, мы приносим вам наиглубочайшие и самые искренние извинения. Нет нам прощения за это происшествие, но, возможно, вы позволите нам что-нибудь сделать для вас? Скажем, платье для вашей дочери, бесплатно… и, возможно, костюм для вас со скидкой?

Отец Трисс колебался, он кипел, как чайник, только что крышка не подпрыгивала. Потом присел рядом с ней.

– Трисс, как ты себя чувствуешь? Чего ты хочешь? Остаться тут и посмотреть на платья или пойдем еще куда-нибудь?

– Все в порядке, – пискнула Трисс. – Я не возражаю, если мы останемся тут.

И она осознала, что это правда. Она была потрясена, но происшествие не причинило ей физического ущерба, чего, видимо, опасался ее отец. Трисс даже почувствовала себя виноватой, как будто после его слов она должна была казаться еще более пострадавшей.

– Если ты уверена. – Ее отец бросил короткий взгляд на тучного мужчину, предложившего им платье и костюм со скидкой. – Трисс, мне надо кое-что обсудить с управляющим. Ничего, если я оставлю тебя снять мерки?

– Но мы знаем мои мерки, – удивилась Трисс.

– Я думаю, надо снять их заново, милая, – спокойно, но твердо произнес отец, и Трисс снова заметила, как за его улыбкой промелькнула тень беспокойства. – Доктор Меллоуз говорит… ты немного похудела.

Похудела? Похудела? Трисс недоверчиво подумала о количестве пищи, поглощенной ею за последние три дня. Как она могла похудеть? Хотя она вспомнила, что доктор был ошеломлен, когда она встала на весы. Прокручивая в голове эту мысль, Трисс позволила сопроводить себя в комнату, на двери которой висела табличка: «Предназначено для специальных гостей „Грейс и Скарп”». Комната была небольшой, но значительно более просторной, чем сам

магазинчик, и на удивление пустой. Стены оклеены солидными темно-синими и серебристо-серыми обоями, мебель преимущественно кожаная и хромированная. Вдоль одной стены располагались стеллажи с рулонами черной, коричневой и темно-синей ткани.

Все это выглядело очень основательно и по-джентльменски, и Трисс почувствовала себя совершенно не в своей тарелке.

– Пожалуйста, присядьте. – Мужчина, который привел ее в эту огромную комнату, пододвинул ей большое кожаное кресло. – Это помещение для особо важных гостей – членов королевской семьи, знаменитостей и тех, на кого мы нападаем с ножницами.

С первого взгляда Трисс показалось, что он довольно молод. Его волосы были напомажены по последней моде. Улыбка была молодой, живой и веселой. Теперь, когда Трисс рассмотрела его повнимательнее, она заметила горизонтальные линии, пересекающие его лоб, и сероватый оттенок на щеках. В его движениях читалась некоторая скованность, и она осознала, что он старше ее отца. У него были игривые манеры, но это была ленивая игривость пса, который уже не бегает за каждым мячиком. Пересекая комнату, он прихрамывал, но шаги его были осторожными, и это почти не бросалось в глаза.

– Мое имя – Джозеф Грейс, – представился он, – и поскольку мой партнер устраивает примерку вашему отцу, я позабочусь о вас.

Трисс устроилась на троноподобном кресле. Дверь за ее спиной закрылась, отсекая шум голосов в магазине, и она услышала музыку. Играли веселую скрипичную пьесу, и так разборчиво, что она оглянулась в поисках музыканта – на случай, если здесь, как в кондитерских «Лайонз»[5 - Сеть кондитерских, в то время самая популярная в Великобритании. Были основаны в 1884 году как часть большой компании, включавшей также производство продуктов и отельный бизнес. Сеть закрылась в 1981 году.], играет живая музыка, но ее взгляд упал на граммофон в углу: пластинка крутилась, изогнутая труба была повернута в сторону комнаты.

– Итак, – продолжил мистер Грейс, – чего изволите? Чаю и пирожных? Лимонаду? Коктейль и устриц?

Трисс хихикнула.

– Чаю, просто чаю, пожалуйста. И… пирожных.

– Конечно.

Мистер Грейс кого-то позвал, и чуть позже в комнату вошла невысокая молодая женщина в нарядном голубом костюме, неся тарелку с горкой бисквитов и чай в фарфоровой чашке. Трисс заулыбалась, забыв о своей обязанности сохранять скорбный вид. Возможно, одиннадцатилетняя девочка в рюшах выглядела несколько неуместно в этом помещении, но мистер Грейс не вел себя с болезненной нервной вежливостью, словно Трисс хрупкое дитя, которое может в любой момент устроить истерику или упасть на пол в конвульсиях. Он дружелюбно улыбался ей, словно они старые друзья, которые неожиданно встретились. Дал ей альбом с модными фасонами и образцами тканей. Пролистал бесчисленные страницы с элегантными джентльменами и овалами унылых костюмных тканей, пока не добрался до ярких страниц с нарядами для леди. Трисс переворачивала страницы, делая выбор и чувствуя, как в ней бурлит власть.

Симпатичная молодая женщина с тугими золотистыми локонами проводила Трисс в раздевалку и сняла с нее мерки. Затем Трисс снова отвели в комнату для особо важных гостей, куда принесли рулоны тканей. Все это заставило ее почувствовать себя королевой. Она не замечала, как быстро заканчиваются пирожные, пока ее рука не наткнулась на пустую тарелку.

– Ой! Я… простите! – Трисс осознала, какой невоспитанной она выглядит.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – отмахнулся портной. – Нашим особо важным гостям дозволено есть пирожные в неограниченных количествах. Хотите… хотите еще?

Трисс кивнула и завороженно наблюдала, как доставили еще две тарелки с фруктовыми пирогами, украшенными глазурью и безе. С трудом оторвав глаза от этого зрелища, она обнаружила, что портной изучающе смотрит на нее серьезными карими глазами.

– Восстанавливаете силы после болезни, да? – тихо спросил он.

– Да… – Трисс поймала себя на мысли о том, что уничтожение пирожных плохо вяжется с хрупким образом, нарисованным ее отцом. – Я похудела, – оправдываясь, сказала она.

– Пирожное – лучшее лекарство. – Он одарил Трисс доверительной улыбкой. – Уверен, что слышал это от доктора. Лично я лечу пирожными свою ногу. – Он с сожалением взглянул на свою хромую левую ногу. – И если один из наших важных гостей решит съесть шесть тарелок с пирожными, никто не узнает об этом от меня.

Трисс избавила тарелки от груза за несколько минут, и ей почти сразу же принесли еще три тарелки с кексами. Трисс набросилась на них без колебаний. Не сдерживаться – это было такое облегчение, что она чуть не заплакала. «Если я тут наемся и моя семья не узнает, возможно, вечером мне хватит обычного ужина. Я смогу выглядеть нормальной».

– Ваша нога – это война? – Трисс не собиралась задавать этот вопрос, но он вырвался у нее сам по себе.

– Да, – тихо ответил мистер Грейс. – Маленький сувенир из Франции.

Трисс подумала о Себастиане. О том, какой была бы их жизнь, если бы он вернулся домой с войны, печальный и хромой, но все-таки добрый и умный. Эта мысль вызвала тупую боль у нее в животе. Мистер Грейс ей нравится, решила она. Думая об этом, она впервые заметила, что портной носит черную шелковую ленту, почти сливающуюся с темным рукавом. Похожую на траурную. Мистер Грейс заметил направление ее взгляда.

– А, – кончиком пальца он потрогал ленту, – еще одна старая рана. Старше, чем война, на самом деле.

Трисс удивилась, она никогда не слышала, чтобы кто-то носил траур столько лет.

– Дорогой мне человек умер, потому что я доверился доктору, посоветовавшему мне не беспокоиться, – тихо сказал мистер Грейс. – Я ношу ее как напоминание, что слепое доверие имеет последствия. – Он смотрел сквозь Трисс секунду или

две, потом грустно улыбнулся. – Простите и позвольте мне найти противоядие меланхолии.

Портной подошел к патефону, аккуратно поднял иглу, и скрипки умолкли на середине такта. Поднял пластинку и убрал ее в конверт, потом извлек другой диск и поставил его на вертушку. Когда игла снова опустилась, пластинка кашлянула, словно прочищая горло, и заиграла музыка.

Но это была неправильная музыка! Все инструменты вступили одновременно, как будто явились на вечеринку и кто-то открыл им дверь. Где мелодия? Где-то она была, но инструменты воевали с ней, перебрасывали от одного к другому, роняли и топтались на ней, делали еще что-то, потом снова подхватывали и бросали в воздух в тот момент, когда вы меньше всего этого ожидаете.

Там были трубы и горны, но они не звучали солидно, так, как бывает, когда они играют на фоне тишины, напоминая всем об ушедших. Они были шумными и неугомонными, словно животные на ферме, – выли и вопили, мычали и не волновались, что о них подумают. Иногда они издавали резкие бесстыдные звуки, словно причмокивали, а иногда от них кружилась голова. И не было остановки, никто не дышал, и не было никакого понятного ритма, как в детской песенке типа «ладушки», – лишь мешанина шумов, которую время от времени прошивали другие звуки, и слушать это было крайне утомительно, и она подумала, что никогда больше не почувствует себя настолько уставшей.

Трисс поняла, что это. Ей доводилось слышать, как радио выплевывает начальные аккорды этой дикой резкой музыки, но отец всегда с неодобрительным восклицанием выключал ее.

Джаз.

– Тебе понравилось? – спросил мистер Грейс.

Трисс с трудом ответила, поймав себя на том, что барабанит пятками о ножки кресла, как будто пританцовывает сидя. Она подумала, похоже ли это на опьянение. Может, она и правда пьяна. От пирожных. Она веселилась. Когда она последний раз веселилась? Угрозы, уговоры, защита – о да, это у нее имелось в изобилии. Но веселье?

Джаз не был респектабельной музыкой. Не предполагалось, что она будет его слушать, и никто не должен был ставить его при ней. Она была уверена, что мистер Грейс это знал, и Трисс бросила на него ликующий взгляд. Заметила, что он не пристукивал ногами в такт – просто стоял рядом с граммофоном, наблюдая за ней и улыбаясь.

В дверь просунула голову сотрудница магазина, и мистер Грейс быстро снял иголку с пластинки.

– Отец юной леди готов отвезти ее домой, – сообщила она.

Трисс охватило разочарование. Мистер Грейс взял щетку для одежды и помог ей стряхнуть крошки пирожных, позаботившись даже о том, чтобы снять волосок с ее одежды.

Когда Трисс вернули отцу, она знала, что ее глаза до сих пор сверкают, а лицо розовое от сладкого и джаза. Отец окинул ее взглядом, слегка нахмурился и потрогал ей лоб, проверяя, нет ли лихорадки. Она же не может быть счастливой, разве что это симптом повышенной температуры?

– Если вам удобно привезти Терезу через неделю для первой примерки…

При этих словах рот Трисс дернулся. Она вернется сюда. И ее тут же затопило чувство вины.

Только когда они вышли, ее веселье пошло на спад. У кассы она заметила ножницы, которые чуть не упали на нее. Они были прикрыты яркой материей, из-под которой торчали кончики лезвий. Под воздействием погоды железо почернело, и острые концы неумолимо смотрели на нее.

Глава 7

Поздняя посетительница

Трисс ехала домой, и в ее крови играл джаз. Не раз она ловила себя на попытке напеть эти странные прыгающие мелодии, но получалось лишь немузыкальное мычание. Ее наполняло безумное чувство, что все возможно. Но по мере приближения к дому эта незнакомая уверенность покидала ее. Привычное самоощущение снова пеленало ее холодной влажной простыней. И когда она увидела дом, ее оставили последние капли энтузиазма.

В голове крутилось такое количество мыслей, что на секунду она удивилась, почему дом выглядит не так, как обычно. Потом до нее дошло, что всему виной темное пятно перед дверью гаража. Припаркованный мотоцикл нагло преграждал им дорогу, не давая «санбиму» с привычной легкостью вплыть в гараж.

– Что за нахальство! – воскликнул отец, резко тормозя у тротуара.

Черный изящный мотоцикл с коляской был заляпан грязью и казался совершенно не на своем месте на этой чопорной ухоженной площади, словно грязный отпечаток обуви на вышитой скатерти. В том, что можно было смотреть сквозь его металлические детали, было что-то наглое и безобразное. Это была грубая дерзость бродячей собаки, которая вот-вот оскалится и зарычит. При виде этого зрелища настроение Трисс стало еще хуже, хотя ей потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить, в чем причина. Она уже видела этот мотоцикл, и его появление означало проблемы. Означало сцены, означало, что ее родители будут рассержены и огорчены.

Пока отец Трисс устраивал целое представление из парковки у тротуара, Трисс бросила взгляд на владелицу мотоцикла, стоявшую с выражением нетерпения на лице, уперев руки в бедра. Высокое стройное тело облачено в длинное землисто-коричневое пальто с высоким воротником, на руках толстые кожаные перчатки, на голове – тугой черный кожаный шлем, подбитый тонкой шерстью. Снизу из-под пальто выглядывала юбка-брюки, а из-под шлема торчали темные волосы длиной до подбородка. Ноги ниже колен затянуты в блестящие чулки. Длинное лицо и выступающий подбородок. Когда нежеланная гостья прищурила глаза, глядя поверх фар «санбима», Трисс ее узнала.

Вайолет Пэриш. Вайолет Пэриш, невеста Себастиана. Когда-то она была просто Вайолет. После гибели Себастиана она стала «бедняжкой Вайолет». А потом, годы спустя, ее имя в семье Трисс почернело и покрылось пятнами, словно сгнивший фрукт, пока ей не отказали от дома окончательно.

– Оставайся в машине, – пробормотал отец Трисс, открыл дверь и вышел.

Трисс наблюдала за происходящим сквозь лобовое стекло, и ее желудок свело в ожидании стычки.

– Мистер Кресчент! – окликнула Вайолет, когда он приблизился. В ее интонациях слышалась напускная лондонская протяжность, но в глубине кипел гнев. – Вы в курсе, что ваша жена продержала меня на пороге целый час?

– Мисс Пэриш, что вы здесь делаете? – Отец явно пытался говорить так, чтобы Трисс его не услышала, но у него это не очень хорошо получалось. – Я велел вам прийти ко мне в офис на следующей неделе, чтобы обсудить ваши так называемые претензии. Как вы осмелились явиться сюда и беспокоить мою семью?

– Да, вы действительно сказали, что сможете встретиться со мной только на следующей неделе, мол, вся семья будет на каникулах, не так ли? – Лондонский акцент Вайолет исчез, словно старая краска, обнажая грубый металл элчестерского произношения. – Но сегодня я увидела вашу машину в городе. Я знаю, когда мне вешают лапшу на уши, мистер Кресчент.

– Если вам хочется знать, Тереза заболела, и нам пришлось вернуться раньше.

Мрачный взгляд Вайолет метнулся к машине и Трисс на заднем сиденье. Из инстинктивной преданности к отцу Трисс нахмурилась и стала думать о скорби и болезнях. На лице Вайолет промелькнуло нетерпеливое презрение, Трисс не поняла – презрение к ней или к словам отца.

– Неужели? А на следующей неделе какой вы найдете предлог? Годами вы отказывались даже обсудить мою просьбу или хотя бы признать, что все вещи Себастиана достались вам. А теперь, когда вы больше не можете это отрицать, вы находите все возможные способы, чтобы избегать меня. Я приехала сюда, чтобы вы больше не смогли меня игнорировать.

– О, полагаю, что смогу, – отрезал отец. – Что натолкнуло вас на мысль, что вы можете явиться сюда в это время суток и что вас впустят в мой дом? Возможно, в вашем кругу это приемлемый час для визитов, но никто с каплей соображения

даже не подумает прийти так поздно без предупреждения или приглашения, рассчитывая, что ему откроют дверь.

– Просто отдайте мне то, что принадлежит мне, – продолжила Вайолет сквозь зубы, – и вы больше никогда меня не увидите. Только те вещи, о которых Себастиан написал, что хочет отдать их мне, если погибнет, – часы, портсигар и кольцо.

– Чтобы вы продали его, как уже продали кольцо, подаренное в честь помолвки, книги моего сына и все остальное, на что смогли наложить руки? – Отец дрожал от горечи и злости; Трисс испугалась, и ее мысли заметались, как кролики. – Для нас эти вещи бесценны, потому что они принадлежали ему. Для вас они стоят не более своей продажной стоимости. Я давал вам деньги после войны, чтобы вы могли встать на ноги, но с тех пор вы только требуете и требуете. Мы ничего вам не должны.

– Кто вы такие, чтобы говорить мне, что я могу продать и что нет? Себастиан хотел, чтобы эти вещи были у меня!

– Потому что он ошибочно считал, что вы будете их беречь. Он понятия не имел, какая вы хладнокровная хищница.

– Вы думаете, мне есть дело, как вы меня называете? – закричала Вайолет. – Вы думаете, мне есть дело до вашего мнения обо мне?

Но она не производила впечатление человека, которому все равно. Какую-то секунду она выглядела как ее мотоцикл: все бурлившие в ней чувства, злость и возмущение бросались в глаза.

– Нет, я полагаю, вы абсолютно бесчувственны к другим людям. Но я должен думать о желаниях моего сына, и я знаю, что он хотел бы, чтобы его вещи хранились у тех людей, которые будут беречь их. – С этими словами отец сделал шаг назад.

– О, опять эта шарманка! – зарычала Вайолет и вся подобралась, словно готовилась вот-вот накинуться на него с кулаками. – Да, я вижу, почему вы его так любите. Он теперь идеальный сын, не так ли? Больше не может с вами спорить. Вы можете заставить его согласиться со всем, что вы скажете, и так

будет вечно…

Но для отца Трисс это было уже чересчур. Он резко отвернулся от Вайолет Пэриш и, подойдя к машине, открыл заднюю дверь.

– Пойдем, Трисс, – сказал он, и его голос вибрировал от гнева, который, Трисс знала, направлен не на нее, но все равно где-то внутри что-то сжалось, словно лепесток на морозе.

Она быстро выбралась из машины. Атмосфера снаружи оказалась ледяной не только в переносном смысле. Было холодно не по сезону, в воздухе ощущался мороз. Трисс увидела, что ее дыхание оставляет облачка.

– Не уходите от меня… – снова завела Вайолет, но резко умолкла, когда отец Трисс захлопнул дверь машины.

Глянув на Вайолет, Трисс обнаружила, что она больше не смотрит на них. Ее глаза следят за чем-то маленьким, белым и пушистым, упавшим с неба на землю аккурат между носками ее туфель. Вайолет торопливо отступила, словно это пепел, который может ее обжечь.

– Разговор окончен, – объявил отец, быстро ведя Трисс к входной двери. – Если я вас еще хоть раз здесь увижу, я вызову полицию.

Но Вайолет больше его не слушала. Не успел он договорить, как она натянула очки-консервы и торопливо застегнула пальто. Входя следом за отцом в дом, Трисс увидела, как Вайолет поспешно заводит мотоцикл.

Послышался звук двигателя – что-то среднее между ревом и громкой оружейной очередью.

Мать встречала их прямо у входа, заламывая руки.

– Эта ужасная девушка, – немедленно начала она высоким от напряжения голосом. – Я сказала ей, что тебя нет, но она не уходила, не думаю, что она мне поверила. Пирс, я… я не знала, что делать! Но я не думаю, что ты хотел бы, чтобы я впустила ее в дом. В конце концов, это был бы прецедент…

– Ты совершенно права. – Муж похлопал ее по руке. – Вопиющее поведение. Мы не можем этого допустить.

Эта ужасная девушка. Единственное имя, которым теперь называли Вайолет Пэриш в доме Кресчентов. Вопрос, чем же она так ужасна, никогда не обсуждался при Трисс открыто, но она кое-что почерпнула из завуалированных ремарок родителей. Они часто употребляли слово «быстрая», и Трисс не думала, что речь идет о езде на мотоцикле. Вайолет действительно выглядела быстрой, подумала Трисс, стройной, как ее мотоцикл, и в ней совсем не было мягкости, чтобы ее замедлить. Даже ее стрижка боб имела острые края.

– Не могу поверить, что она такая холодная, – произнесла мать, с ужасом вглядываясь в окно. – Ты мог когда-нибудь подумать, что это та же самая девушка?

После гибели Себастиана семья Кресчентов напрягла все силы, чтобы принять «бедняжку Вайолет» в свои дружелюбные объятия, но Вайолет не оправдала их ожиданий. Вместо того чтобы погрузиться в приличествующий скромный траур, она обкорнала волосы, потом начала курить и носить платья, демонстрирующие мужчинам икры. Еще она начала беспокоить отца Трисс просьбами дать ей денег, и мать все время качала головой и ворчала о целом состоянии, потраченном на коктейли и «светскую жизнь».

Трисс положила ладонь на входную дверь, чуть ли не ожидая, что ты окажется холодной. Вайолет действительно казалась ледышкой – холодной, эгоистичной и неприятной. Ее визит проделал дыру в хрупком спокойствии дома, словно неосторожный ноготь, порвавший бинт. Он унес последние капли радости, еще державшиеся в Трисс. Она увидела себя глазами Вайолет – бледная и жеманная пособница отца и его претензий. «Вероятно, если ты холодна, мир вокруг тебя тоже станет холодным…»

Отец Трисс не подал виду, что заметил крошечное белое нечто, приземлившееся между ногами Вайолет. Но Трисс была почти уверена, что эта хрупкая крошка, упавшая с безоблачного сентябрьского неба, была одинокой снежинкой.

Глава 8

Полуночная почта

Когда Пен появилась наверху лестницы, Трисс не смогла сдержать улыбку, расползшуюся по лицу Младшая сестра разочарованно нахмурилась, увидев Трисс в вестибюле. Вероятно, она действительно считала, что доктор сразу же распорядится, чтобы Трисс увезли в смирительной рубашке, а отец вернется домой в одиночестве.

Однако первые слова Пен ничего такого не подразумевали.

– Где Вайолет? – спросила она. – Это же была она?

– Тише, Пен, – сурово ответила мать. – Да, и она ушла, чему я очень рада.

– Почему она не зашла?

Вопрос Пен не был удостоен ответа, и младшая сестра унеслась по лестнице вверх. Это был один из многочисленных актов неповиновения Пен – периодически она упрямо твердила, что Вайолет ей нравится. Трисс была почти уверена, что Пен говорит это только для того, чтобы всех шокировать, точно как в тех случаях, когда она утверждала, что пила джин или видела труп.

– Ну что за ребенок, – пробормотала мать и легко провела пальцами по вискам. – Иногда я просто не могу….

Она не сказала, чего именно она не может, но в ее голосе слышалась интонация крайней усталости.

Трисс надеялась, что пирожные утолят ее аппетит, но, когда она почувствовала ароматы ужина, ее снова унесло головокружительной волной голода. Однако ее ждал приятный сюрприз.

– Доктор Меллоуз сказал, что ты потеряла несколько килограммов, так что мы должны позволить тебе есть, сколько ты хочешь, – сказала мать, накладывая Трисс на тарелку пирог с мясом и почками.

Пен стрельнула ядовитым взглядом над своей куда более скромной порцией, но у Трисс и мысли не было с ней делиться. Ей хотелось плакать от облегчения, и мысленно она послала множество благодарностей доктору Меллоузу Какое-то время она была не способна мыслить, погрузившись в радостное, беспомощное, болезненное поглощение пищи. Пирог, картофель, пюре из пастернака, жареный горох, хлеб с маслом, фрукты, варенье, консервированные груши, бананы, консервированные вишни… Но постепенно в этом блаженстве начала ощущаться горькая нотка. Привычное разочарование было как сон. Стоило ей потянуться за добавкой, как тарелка оказывалась пустой. Она смутно осознавала, что на смену пустым тарелкам приносят полные, но это происходило недостаточно быстро, и через некоторое время она с ужасом и тоской обнаружила, что новых порций больше не приносят.

Она уставилась на опустевшие тарелки, тяжело дыша. Что не так? Почему ей перестали приносить еду? Она осмотрелась, обратив внимание, что все звуки стихли и домашние безмолвно наблюдают, как она скребет вилкой по тарелкам в поисках последних крошек или остатков соуса.

– Довольно, Трисс, – ласково сказала мать с легчайшим оттенком паники в голосе. – Достаточно.

Достаточно? Трисс с трудом могла понять, что значит это слово. С тем же успехом ей могли объявить, что воздуха достаточно и пора перестать дышать.

– Но я все еще голодна! – воскликнула она. В ее голове ничего не осталось, кроме этой потребности, и она по-детски разозлилась и испугалась. – Вы сказали, что я могу съесть, сколько захочу! Я еще голодна!

Ее голос прозвучал громче, чем она намеревалась, но почему бы и нет? Она была в отчаянии. И они обещали ей еды вдоволь! Если они ее любят, почему не кормят?

– Дорогая, – ласково произнесла мать дрожащим голосом, – ты уже съела половину погреба. Так что, если только ты не хочешь сухую овсянку или муку…

– Овсянка! Я могла бы съесть кашу. Кашу!

– Нет! – отрезала мать, закрыла глаза и пригладила волосы. – Нет, – добавила она нежнее. – Хватит, Трисс… правда, хватит.

– Ты обещала! – Трисс вскочила на ноги, и из ее горла вырвался жуткий вопль. – Ты обещала, что я могу есть, пока не наемся!

Она чувствовала невероятную злобу, словно ее обманули, спровоцировали дать волю аппетиту, а потом отняли еду. Трисс крепко сжала тарелку в руках, ей казалось, что она вот-вот разобьет ее о стол и будет смотреть, как китайский бело-голубой фарфор разлетится на крошечные кусочки. Почему родители морят ее голодом? Что с ними не так?

– Трисс! – Это голос отца, достаточно резкий, чтобы проникнуть сквозь охватившие ее ярость и отчаяние.

Он никогда так с ней не разговаривал, и его интонация задела ее за живое. Она внезапно осознала, что она творит – стоит у опрокинутого стула, сжимая тарелку побелевшими пальцами. Мать поднесла руку к горлу – знак, что она сильно нервничает. Пен с трудом сдерживает насмешку, ее глаза завороженно и ликующе блестят. Тарелка загремела, когда Трисс с грохотом шлепнула ее обратно на стол. Ее рот пересох, и она не могла вымолвить ни слова. И молча вылетела из столовой.

Оказавшись в своей комнате, Трисс свернулась клубочком на кровати. Когда в дверь постучали, она приподняла голову, но не нашла в себе решимости открыть дверь.

– Трисс? – Это отец. Его голос был ласковее, чем до этого, но Трисс не хотела видеть его лицо, опасаясь обнаружить жесткость и разочарование, с которыми он иногда смотрел на Пен.

– П… прости меня… – прохрипела она.

Дверь открылась. Отец вошел, и его лицо не было суровым. На нем были написаны усталость и грусть, отчего Трисс почувствовала себя еще хуже.

– Такого поведения я не ожидал от моей Трисс, – тихо сказал он. – Моя Трисс милая, спокойная девочка, она всегда хорошо себя ведет. Она не топает ногами и не кричит за обеденным столом.

– Мне так стыдно, – прошептала Трисс. – Я не могу… – «Не могу с этим справиться, мне кажется, я схожу с ума, мне кажется, вы морите меня голодом и я умру, мне кажется, вы меня ненавидите, а я ненавижу вас». – Мне кажется, я… наверное, у меня температура. – Простая ложь, легкий предлог, и Трисс стало нехорошо от этих слов.

– Да. – Осанка отца утратила напряжение, и он сел рядом с ней на кровати. – Да, скорее всего. Мне показалось, что ты раскраснелась, когда мы выходили от портного. – Он потрогал рукой ее лоб и был удовлетворен. – Длинный день, не так ли? Много событий.

Он обнял ее, и она прижалась к нему, цепляясь обеими руками, словно утопающая, пряча лицо в его жилете. «Помоги мне, помоги мне, помоги мне…»

– Что тебе нужно, – наконец вымолвил отец, – так это пораньше лечь спать. Хорошенько выспавшись, ты почувствуешь себя намного лучше.

Он прижал ее к себе, отпустил и встал, ласково глядя на нее сверху вниз. Трисс сумела выдавить улыбку и кивнуть. Дверь за ним закрылась, и Трисс осталась одна, наедине со своими мыслями.

Пен сказала Трисс, что та делает все чуть-чуть неправильно. «Это правда, – подумала она. – Я все делаю неправильно. Я солгала доктору, который хотел помочь мне, и непохоже, чтобы это пошло мне на пользу: я продолжаю кричать на людей, и скоро они все равно решат, что я сошла с ума. Так что я могу сделать? Мне надо выздороветь без помощи доктора. И быстро, пока они не поймут, как серьезно я больна. Так не может продолжаться».

Ей надо выздороветь. Возможно, это лишь вопрос силы воли. Возможно, это реально – заставить себя не съедать все, что есть в доме. Может быть, она заставит себя не видеть странные несуществующие вещи. Возможно, когда Ангелина начала кричать, ей следовало просто игнорировать ее и продолжить собирать вещи. Возможно, если бы она просто смотрела на шевелящиеся манекены в витрине магазина, а не убежала прочь, они вновь стали бы

неподвижными. Может быть, куклы в ее комнате на самом деле не двигались, что бы она ни видела периферическим зрением…

Ее глаза устремились к гардеробу, куда были торопливо спрятаны куклы, и она нерешительно села, кусая губу. «Они не шевелятся, – сказала она себе, осторожно приближаясь к двери. – А даже если да, я знаю, что это не по-настоящему. Я буду просто смотреть на них, и они станут нормальными».

Когда она открыла дверь гардероба, лежавшая внутри бугристая наволочка демонстрировала утешительное нежелание шевелиться. Трисс толкнула ее ногой и быстро отошла назад. Набитая наволочка покосилась и упала, раскрывшись, оттуда вывалилась одна кукла. Это была фарфоровая кукла-половинка[6 - Кукла-половинка – фарфоровая статуэтка, представлявшая собой верхнюю часть женского туловища, которая соединялась с подушечкой для иголок, шкатулкой и пр. Такие куклы особенно были популярны на рубеже XIX и XX веков, а сейчас они предмет коллекционирования.] с тусклыми волосами, собранными в узел на затылке, в голубом платье с узкой талией и подушечкой в том месте, где должна быть нижняя часть тела. Медленно и осторожно Трисс присела около наволочки и подняла куклу. Подушечка была как раз подходящего размера, чтобы уместиться в ее раскрытой ладони, фарфоровая головка, шея и тельце были четыре дюйма длиной. Глаза куклы были прикрыты, изящные маленькие ручки сложены на кружевном вырезе и розочке на корсаже, как будто поправляли платье. «Ты просто кукла. Ты просто кукла. Ты просто…»

Первое движение было едва заметным. Крошечная ручка, нежная, словно рыбий хвост, чуть-чуть поменяла свое положение. Медленно, украдкой она потянулась к державшей ее руке Трисс, и та почувствовала, как маленькие холодные пальчики легко поскребли подушечку ее большого пальца. Кукла не повернула головы. Ее глаза были закрыты, и она наугад водила руками. Трисс потребовалась вся ее сила воли, чтобы не бросить куклу. Мысль о том, чтобы раздавить ее, сломать изящную шейку, словно стебель сельдерея, вызывала ужас. Рука Трисс дрогнула, но она попыталась сосредоточиться на мысли, что все это не на самом деле, ей просто мерещится.

Наконец крошечные ищущие пальчики наткнулись на булавку в подушечке и сомкнулись вокруг белой стеклянной головки. Не успела Трисс отреагировать, как кукла схватила булавку обеими руками, выдернула из подушечки и вонзила ей в большой палец.

– Ой! – Трисс отдернула руку, но умудрилась не выронить куклу.

«Это не на самом деле, – уговаривала она себя, хотя на кончике пальца из едва заметного прокола выступила капля крови. – Этого не может быть, этого не может быть». Но через миг ей стало еще больнее, когда кукла выдернула булавку и снова вонзила в палец Трисс.

– Ой! Прекрати!

Несмотря на свою решимость не обращать ни на что внимания, Трисс не удержалась и свободной рукой выхватила булавку у крошечного врага. «Мне не надо было этого делать, это не взаправду, это не взаправду». Но делать вид, будто она что-то не замечает, оказалось сложнее, ведь то, чего не следовало замечать, попыталось уколоть ее. Трисс осознала, что кукла издает тихие музыкальные звуки, напоминающие постукивание чашек на блюдцах. Ее челюсть быстро двигалась вверх-вниз, но Трисс не могла понять, то ли она скалит зубы, то ли пытается что-то сказать. Ее ручки елозили по подушечке в поисках нового оружия.

– Прекрати! – прошипела Трисс. Она встряхнула куклу, и кровь похолодела у нее в жилах, когда она увидела, как та качает головой в высоком парике взад-вперед. – Прекрати, или… – Ее затопила паника, и в приступе голода, приглушенного, но не утоленного, она сказала: – Или я тебя съем!

Голос куколки стал громче, переходя в скрипучий рык. Трисс провалилась в колодец черного отчаяния. Она закрыла глаза и открыла рот, шире, еще шире. Фарфор скользнул по языку, словно мороженое. Подушечка оказалась грубее, и на один тревожный миг рот оказался забит старым пыльным бархатом. Потом Трисс сделала что-то, от чего дрожь пробежала по ее горлу, и в следующую секунду проглотила подушечку. Какое-то время она чувствовала холод и твердость булавочных головок, продвигавшихся по пищеводу. После этого Трисс долго сидела, уставившись на пустые ладони.

«Я не могла это сделать». Придя в себя, дрожащими руками она захлопнула дверь шкафа. Потом, пошатываясь, встала, подошла к туалетному столику и упала в кресло. Глядя в зеркало, она открыла рот как можно шире, закрыла и опять открыла и закрыла. Видеть шевелящихся кукол – это безумие. Глотать кукол целиком – еще большее безумие. Она никак не могла открыть рот

настолько широко, чтобы засунуть в него куклу. Не говоря уже о том, чтобы протолкнуть ее дальше в горло. В зеркале она видела, как ее лицо исказилось от замешательства, страха и уныния, но слезы так и не пришли. И только постепенно она осознала, что сосущее чувство голода в ее желудке наконец прошло. Она больше не хотела есть.

Шли часы, и Трисс наконец признала, что уснуть не получится. Она лежала на кровати, уставившись в потолок, и ее мысли крутились мрачным калейдоскопом. «Я больна, я сошла с ума, я ужасна, мне надо вылечиться». Что сказал доктор? Припоминая его слова, Трисс ощутила призрак надежды. Что, если он прав и ее болезнь вызвана лишь воспоминанием, которое она проглотила, как мраморный шар? Что, если все эти странности – просто «несварение мозга»? Вдруг ей станет лучше, когда она вспомнит то, о чем забыла? Если это так, «проглоченное» воспоминание относится к дню, который она потеряла, дню, когда она упала в Гриммер. Накануне все было нормально, она была почти уверена – ни странных галлюцинаций, ни жуткого голода. Трисс сфокусировала всю свою энергию, стараясь вспомнить утраченный день, но тщетно. Она села и прижимала ладони к глазам, пока перед ее взглядом не начали взрываться красные цветы. Она попыталась уловить то чувство уверенности и неминуемого узнавания, которое ощутила ночью на берегу Гриммера, воспоминание о мутной ледяной воде, – но нет.

Трисс почти ничего не знала о загадочной личности, о которой говорили ее родители, но одно она точно поняла. Он присылал их семье дюжины писем, которые каким-то образом оказались в ящике стола в комнате Себастиана. Как можно тише Трисс выбралась из кровати. Прихватив щипчики со своего туалетного столика, она осторожно приоткрыла дверь комнаты и внимательно прислушалась. Дома дышат во сне так же, как люди, и единственными звуками, нарушавшими тишину, были поскрипывания и тиканье часов. Остальные члены семьи давным-давно легли спать. Больше в доме никого не было, если не считать кухарки, комната которой находилась в подвале. Не было даже гувернантки, обычно располагавшейся в комнате недалеко от спален девочек.

Трисс осторожно прошла по коридору, прислушиваясь к малейшему шороху, раздававшемуся в комнатах, поскрипываниям матрасов и сонному бормотанию. Дверь в комнату Себастиана беззвучно открылась, и Трисс снова оказалась в запретном месте. Она не осмелилась включить свет, но ее глаза приспособились к темноте, так что она подошла к столу, ни на что не наткнувшись. Опустившись

на колени, Трисс провела пальцами по ящикам, их рельефные металлические ручки холодили кожу. Да, вот этот, и она знала, что он доверху полон писем, их так много, что они видны даже в щель между ящиком и крышкой стола.

Она обнаружила, что пинцет проходит в щель, если повернуть его боком. Она попыталась вытащить какой-нибудь конверт за уголок, но это оказалось делом трудоемким и утомительным. Время от времени она чувствовала, что пинцет цепляет бумажный край, но потом опять соскальзывает.

За этим занятием она услышала, как часы в вестибюле важно отстучали двенадцать ударов. Последний звук стих, но Трисс показалось, что он продолжает висеть в воздухе, словно что-то жужжало в ухе. Этот тихий звук еще не исчез окончательно, когда Трисс услышала в коридоре еще что-то. Она действовала рефлекторно, бросившись на четвереньках в свое уже знакомое укрытие и закатившись под кровать. Только съежившись за бахромой покрывала, она осознала, что этот звук не имеет никакого отношения к шагам. Это было сухое легкое постукивание, похожее на звук крыльев умирающей мухи, бьющейся о стекло, только чуть громче. Оно приближалось и приближалось, пока Трисс не пришла к выводу: что бы ни производило этот звук, оно прямо за дверью, и собралась с духом, готовясь, что ручка сейчас повернется. Этого не случилось. Однако тихий звук внезапно стал намного четче. Дверь не открылась, но невидимый гость уже не был в коридоре. Он был в одной комнате с Трисс.

Из-под свисающего покрывала Трисс бросала короткие взгляды на незнакомца, убеждаясь, что это определенно оно, а не она или он. Оно порхало по комнате, описывая неуклюжие петли, задевая стены тем, что, по всей видимости, было крыльями, и легко ударяясь о мебель, время от времени останавливаясь там и сям. Это создание трудно было рассмотреть, и не по причине темноты. Когда оно на миг останавливалось и Трисс могла смотреть на него прямо, казалось, что оно тает под ее взглядом. Но, порхая туда-сюда, оно оставляло перед ее глазами только черные полосы.

Наконец оно присело на ручку ящика, переполненного письмами, и Трисс услышала шорох бумаги. Из ниоткуда существо извлекло тонкий прямоугольный предмет. Трисс прищурилась и увидела, как зыбкое нечто наклонилось и ловко засунуло конверт в щель над ящиком к остальным письмам. Оно бросило взгляд вокруг себя, и Трисс показалось, что она увидела крошечное бледное личико размером не больше яйца, с блестящими глазами. Потом воздух взревел, послышались торопливые хлопки, словно флаг затрепетал на ветру, и существо

исчезло.

Трисс еще долго лежала неподвижно, прижимаясь щекой к грубому ковру. Она снова видела невозможное. Но почему-то, находясь в одиночестве посреди ночи в комнате мертвого брата, справиться с невозможным было легче. С пересохшим ртом она подкралась обратно к столу. В щели торчал уголок последнего письма. Она вытащила его пинцетом, затем поспешно вернулась к себе в комнату, разорвала конверт и развернула письмо. Оно было датировано сегодняшним днем и написано до боли знакомым почерком.

Дорогие отец, мама, Трисс, Пен!

Я снова пишу вам, хотя знаю, что напрасно. Я больше не верю, что мои письма доходят до вас, не говоря уже о том, чтобы получить ответ. Но я не могу остановиться. Эти письма – все, что у меня есть, хотя сейчас это просто игра «верю – не верю», в которую я играю, чтобы холод казался менее резким.

Даже если бы я подумал, что вы действительно увидите это письмо, я больше не имею сил держать лицо. Это место, где от храбрости ничего не остается. Зима никогда не кончается. Я уже не помню, когда она началась. Мне кажется, что я живу под этим безрадостным небом и метелью несколько лет. Может, это один и тот же день, растянувшийся в вечности, словно колючая проволока. Я перестал следить за происходящим. Все мои друзья мертвы. Люди, которые воюют рядом со мной, – незнакомцы, всегда умирающие до того, как я успеваю узнать их имена. Их лица стираются в моей памяти.

Мои руки и ноги мучительно ноют от холода, но боль лучше, чем мысли. Я превратился в развалину, знаю. Я чувствую, как моя душа тянется к ангелам, словно сломанная рука. Все, на что я могу надеяться, – это онемение и конец.

Простите меня,

Себастиан

Глава 9

Стежок во времени

– Себастиан… – Трисс не сразу осознала, что произнесла его имя вслух.

Чего она ожидала? Может быть, список требований от таинственного «него»? Но она не была готова к этому. Трисс держала письмо Себастиана дрожащими руками, поражаясь, как много и одновременно как мало помнит о нем. Она знала, что бывали особенные дни, которые она прекрасно с ним проводила, – день рождения, когда он помог ей одеться как египетской царице, пикник, когда он часами носил ее на плечах. Семейные легенды, время от времени торжественно повторяемые ее родителями, когда они считали уместным поговорить о своем потерянном сыне. Годами родители вплетали расплывчатые воспоминания Трисс в аккуратную ткань своих историй, и она перестала понимать, что же она действительно помнит. Это совсем другое. Это поражало, как тепло слезы, упавшей на кожу. Внезапно Себастиан оказался человеком, потерянным, испуганным, отчаявшимся человеком, которому больно. Она ощутила глубокое сочувствие к нему, смешанное с ужасом, и осознала, что действительно любит Себастиана, несмотря на туман минувших лет. Но он умер. Себастиан умер пять лет назад, суровой зимой. Пришло письмо от его командира, где говорилось, что в его части окопа был взрыв, глубочайшие соболезнования, ни малейшей возможности, что кто-то уцелел. Ошибка невозможна.

Трисс не могла понять поведение родителей. Ящик был переполнен письмами. Месяцами, а то и годами приходили письма от Себастиана, и родители знали об этом. Они изрекали высокопарные речи о своем давно утраченном сыне и все это время держали его письма в ящике стола и делали вид, что их нет. Их исполненное достоинства горе было ложью. Все было ложью. Ее родители говорили, что эти письма шлет «тот человек», загадочный «он», который, как они считали, мог напасть на Трисс. Подумав, она поняла, что они никогда не говорили, что это «он» пишет письма. На самом деле отец сказал, что письмо от «него самого» будет отличаться от «обычного».

Как Себастиан мог все еще сражаться на войне, которая закончилась пять лет назад, и как он мог писать письма из могилы? Если только это не жестокие хитрые подделки и если Себастиан действительно писал эти отчаянные послания, он нуждается в помощи. Так или иначе, Трисс должна разгадать тайну этих писем.

В голове Трисс начал формироваться план. Ящик ломился от писем. Как часто это летающее существо вторгается в дом Кресчентов, чтобы доставить новый конверт? Раз в месяц? Раз в неделю? Или каждую ночь? «Пусть оно странное и страшное, но оно меньше меня. Так что, если оно снова прилетит завтра ночью, вероятно, я смогу его поймать».

Лил дождь, капли падали с шорохом. Они падали прямо внутрь дома, на ковер и мебель, и Трисс видела, что на самом деле это мертвые листья. Они приземлялись на головы и плечи домочадцев, завтракавших за столом, и все делали вид, что ничего не происходит.

– Это все Трисс! – закричала Пен с пронзительным ликованием. – Взгляните!

Младшая сестра показала на потолок, и, когда Трисс взглянула вверх, она, к своему ужасу, осознала, что в потолке и крыше прогрызены огромные дыры и сквозь них виднеется серое небо. Трисс даже заметила следы своих зубов на балках.

«Я этого не делала», – хотела возразить она. Но это ложь, и она это знала. У нее не было голоса, только сухой шелест, так шуршат под ногами листья на лесной тропинке.

– Трисс съела потолок! – крикнула Пен. – Трисс съела стены! Осталось четыре! Только четыре дня!

Вздрогнув, Трисс проснулась и долгую минуту пыталась отдышаться – ждала, чтобы ее сердце перестало так колотиться. Сон, просто сон. Она перекатилась на бок, и ее щека прижалась к чему-то сухому, хрустнувшему под ее весом. Она резко села. На ее подушке лежали сухие листья, несколько штук. Она медленно провела пальцами по волосам, и в ее ладонях оказалось множество коричневых кусочков. Ее взгляд медленно устремился к креслу, которым она ночью подперла дверь, и ее сердце упало. Только тогда она осознала, как сильно надеялась, что в загадочном появлении листьев виновата злобная Пен.

Трисс осторожно села и откинула одеяло. На простыне вокруг нее было еще больше листьев, часть их забилась под ночную рубашку, и еще она увидела

несколько соломинок. С пересохшим ртом она снова убрала весь мусор и подошла к туалетному столику за расческой. К своему удивлению, она обнаружила на зубцах остатки сухих листьев, хотя была уверена, что почистила расческу и на ней оставалась разве что пара ее волос. Она рассматривала расческу, и в ее голову закралось страшное подозрение.

Нет. Это невозможно. Она должна знать. Стряхнув листья, Трисс выдернула несколько волосков и положила их на расческу. Заставила себя отвернуться и смотрела в сторону, шепотом считая до трехсот. Потом снова взглянула на расческу, и ее сердце ушло в пятки. Волос не было. Вместо них были прожилки листа, сухие и более хрупкие, чем любое кружево.

«Листья в моих волосах, грязь на полу – я не принесла их откуда-то снаружи. И Пен не разбрасывала их по комнате. Это часть меня».

– Трисс бледна. Разве Трисс не слишком бледна? – звенел и звенел голос Пен за завтраком. – С Трисс все в порядке? Что сказал доктор? Ей надо прийти к нему еще раз?

Трисс сидела, аккуратно разрезая яйцо, и поймала себя на там, что почти ненавидит Пен. Предыдущая ночь была похожа на сон. По крайней мере, ее больше не мучил жуткий голод, но трудно чувствовать облегчение, вспоминая, как она проглотила куклу-половинку. Ей хотелось заплакать, но в глазах ощущалась какая-то клейкая масса. Ее одолевало воспоминание о листьях на расческе, и она подумала о письме Себастиана, спрятанном под матрасом.

Она с трудом следила за нитью разговора родителей. Отец должен был сегодня весь день работать и собирался уехать в Элчестер. Новый вокзал, который он спроектировал, вот-вот должны были закончить. Он был построен в форме пирамиды – дань моды на все египетское, пришедшей после открытия гробницы Тутанхамона год назад. Каким-то образом события десятилетней давности казались ветхой историей, но Древний Египет считался сейчас весьма актуальным.

– Боюсь, отпуск закончился, – вздохнул отец. – Они хотят, чтобы я приехал на место строительства и все одобрил, а это означает, что, если потом что-то пойдет не так, они смогут обвинить в своих ошибках меня. И конечно, когда главная постройка будет завершена, они хотят, чтобы я присутствовал на

церемонии открытия и пресса могла сделать фотографии.

Церемония открытия подразумевала, что при помощи подъемного крана острую верхушку пирамиды водрузят на место, символизируя окончание строительства.

– Еще больше шума, – пробормотала мать Трисс голосом, в котором соединялись мученические интонации и гордость.

– Знаю, знаю, – отец улыбнулся ей. – Но осталось лишь четыре дня. Потом все закончится.

Трисс вздрогнула и затряслась. Эти слова настолько живо напомнили ей о ночном кошмаре, что ее охватил неконтролируемый ужас.

– Трисс! Что случилось? – Мать протянула к ней руку, но Трисс отпрянула.

– Голова заболела! – выдавила она и выбежала из столовой.

Аптечные войска были приведены в полную боевую готовность. У кровати Трисс выстроилась шеренга флакончиков. Укрывшись одеялом до подбородка, Трисс обозревала своих солдат, не ощущая никакой уверенности. Помогут ли они ей не рассыпаться на листья? Спасет ли Себастиана сироп из инжира? Она так не думала. И не питала особенных надежд на эффективность камфоры, разведенной в теплой воде, или влажной фланелевой тряпки на лбу.

Ей предстояло провести день в постели. Она смирилась с этим. Но теперь наблюдать, как истекают часы, было пыткой. Что она делает? Ждет, когда рассыплется на кусочки или сойдет с ума? «Четыре дня, четыре дня, четыре дня…»

Почему эти слова крутятся в ее голове? Она не могла понять, как можно просто лежать в кровати, становясь все бледнее и слабее, тогда как жизнь проходит мимо.

Часы пробили два. Трисс сбросила одеяла, ей было слишком жарко под ними. Прижалась лицом к окну, и прохлада принесла ей некоторое облегчение. Воздух в ее комнате застоялся, нетерпеливая энергия ветра на улице манила ее, ей

хотелось распахнуть окно. Трисс услышала, как хлопнула дверь автомобиля. На противоположной стороне сквера припарковался маленький голубой «моррис», и из него кто-то вышел, но его было не разглядеть из-за деревьев. Однако, когда человек приблизился, Трисс узнала его. Это был мистер Грейс, портной, который вчера включил ей джаз и кормил ее пирожными. Она наблюдала, как он подошел ко входу в их дом, а секунду спустя раздался звонок в дверь.

Первоначальная радость, охватившая Трисс, сменилась замешательством. Зачем он приехал? Вдруг родители с ним встретились и обнаружили, что он из тех, кто слушает джаз? Может, ей больше не разрешат ходить в его магазин. Что он тут делает?

Со скрытностью, которая быстро становилась ее второй натурой, Трисс выскользнула из комнаты и подкралась к лестнице. Поскольку Маргарет уже ушла, дверь открыла мать, ведь кухарка была глуховата и говорила, что никогда не слышит звонок. Трисс не осмеливалась выглянуть из-за угла, опасаясь, что ее заметят, и навострила уши.

– …Простите за беспокойство. – Голос портного был едва слышен. – Миссис Пирс Кресчент? Меня зовут Джейкоб Грейс, я из магазина «Грейс и Скарп», ваши муж и дочь вчера посетили наше заведение.

– О, вы из магазина одежды? – Голос ее матери звучал озадаченно и немного нервно. – Но… мне казалось, что первая примерка назначена на следующую неделю…

– Да, правда. Но, похоже, ваша дочь забыла перчатки в нашей комнате для особо важных гостей, и поскольку я все равно проезжал мимо, решил, что завезу их.

– Ах, понятно! Как любезно… – Пауза. – О… простите, мистер Грейс, но это перчатки не Трисс.

– Неужели? – растерянно ответил портной. – О, как глупо с моей стороны. Они такие маленькие, и я решил, что это ее. В таком случае приношу самые искренние извинения, что побеспокоил вас.

– Мне так жаль, что вы потратили время. – Голос матери немного смягчился.

– Вовсе нет, я очень рад возможности спросить, как себя чувствует юная леди.

– Тереза… что ж, я думаю, она оправилась от шока, пережитого в вашем магазине, если вы об этом спрашиваете.

– На самом деле нет. – Впервые голос мистера Грейса зазвучал серьезно и несколько неуверенно. – Миссис Кресчент, когда ваша дочь посещала магазин, мне посчастливилось провести в ее обществе какое-то время, и я обратил внимание на некоторые… симптомы. Симптомы, которые меня обеспокоили, потому что… напомнили о другом случае. Но если ваша дочь в порядке и чувствует себя хорошо, то у меня камень с сердца упал.

– Мистер Грейс, – нервно и резко спросила мать, – что вы имеете в виду?

Повисла длинная пауза.

– Пожалуйста, примите мои извинения, – был ответ, такой тихий, что Трисс едва расслышала слова. – Мне очень жаль, миссис Кресчент. Я не имел права никоим образом комментировать здоровье вашей дочери. Вы оба явно любящие родители и, без сомнения, обеспечиваете ей наилучшую медицинскую помощь. Я не доктор и даже не друг семьи. Пожалуйста, простите меня и передайте наилучшие пожелания юной Терезе.

– Постойте! Погодите! – Голос матери звучал теперь чуть дальше и не отдавался таким эхом, видимо, она сделала пару шагов за уходящим портным. – Моя дочь… еще не вполне здорова. Если вы узнаете симптомы и представляете, с чем они могут быть связаны…

– Вы не поблагодарите меня за это, миссис Кресчент. – Вздох, новая пауза, во время которой Трисс послышался скрип ручки по бумаге. – Вот, это телефон магазина. Если я потребуюсь вам или вашему мужу, позвоните и попросите позвать меня. Но, миссис Кресчент, свяжитесь со мной, только если будете в полном отчаянии. Не раньше.

Прихрамывающие шаги стихли, и через несколько секунд Трисс услышала, как захлопнулась входная дверь. В полнейшем смятении она прокралась обратно в свою комнату. Что все это значит? Зачем мистер Грейс приехал к ним? Он наверняка видел, как она надевает перчатки, уходя из магазина. Он придумал

всю эту историю с потерянными перчатками, чтобы найти предлог заехать к ним домой? «Он хотел поговорить обо мне с матерью».

Первым чувством, которое она испытала, было ощущение, что ее предали. Она была так уверена, что их с мистером Грейсом связывают тайные узы и что он ни слова не скажет о шести тарелках с пирожными. О каких еще симптомах он мог говорить? Но иногда взрослые так себя ведут. Они приходят к мысли, что обещание, данное ребенку, ничего не значит, пока уверены, что действуют в его интересах. Вторым чувством Трисс была крошечная дрожащая капля надежды. Вдруг мистер Грейс на самом деле знает, что с ней не так? Что, если он поможет ей?

Глава 10

Тайная вылазка

Услышав шаги, поднимающиеся по лестнице и идущие по коридору, Трисс прыжком вернулась под одеяла, торопливо пристроила на лоб влажную фланель и изобразила на лице сонливость. Когда дверь открылась и заглянула мать, Трисс издала бормочущий звук, как будто только что проснулась.

– Прости, милая, я ненадолго. Я… просто хотела кое-что спросить. Ты разговаривала с одним джентльменом в магазине одежды? Неким мистером Грейсом?

Трисс несколько раз моргнула, потом кивнула.

– О чем вы говорили? – Ее мать заколебалась и облизнула верхнюю губу кончиком языка. – То есть он не показался… – Она умолкла, словно не вполне понимала, что хочет спросить.

– Он приятный, – ответила Трисс, надеясь, что не выглядит слишком заинтересованной. – Мы говорили о платьях и о разных вещах. Я сказала, что болела, но мне уже лучше. Он выглядел обеспокоенным. Он показался…

«Что мне надо сказать, чтобы она ему позвонила?»

– Очень странно, – пробормотала мать, и сердце Трисс упало.

Трисс тут же поняла, что неправильно разыграла карты. Ей следовало сказать, что мистер Грейс умный и здравомыслящий человек. Ей не следовало давать понять, что он ей понравился. То же самое, произнес недружелюбный голос в ее голове, было с гувернантками. Не предполагалось, что они будут ей нравиться. Если она демонстрировала, что ей нравится гувернантка или любая другая прислуга в доме, их гарантированно увольняли.

Мать вздохнула и осторожно потерла виски.

– Лягушонок, мама пойдет тоже приляжет, у меня голова болит, так что приму укрепляющее и немного посплю. Но если я тебе понадоблюсь, я у себя.

Трисс знала, что это означает. Семейный аптечный кабинет был почти полностью посвящен борьбе с недомоганиями Трисс, но там также всегда хранились несколько бутылок с маминым «укрепляющим» средством. На этикетках было написано «Винкарнис» и нарисована дружелюбная женщина в красной шляпе, поднимающая бокал. Трисс объяснили, что это тонизирующее вино сильно отличается от обычного, даже если пахнет точно так же. Доктор предписал его матери после рождения Пен. С тех пор мать прибегала к нему, когда чувствовала себя особенно взволнованной.

– Со мной будет все в порядке, – сказала Трисс, умудряясь сохранять сонные, тихие и расслабленные интонации. Ей в голову пришла мысль, от которой сердце сильно заколотилось.

После того как мать ушла, закрыв за собой дверь, Трисс лежала, внимательно прислушиваясь. Даже услышав, что мать вернулась к себе, она немного подождала, давая матери время выпить вино и лечь в кровать. Только когда воцарилась обнадеживающая тишина, Трисс выбралась из постели. Она выдвинула ящик комода и вывалила содержимое на кровать. Уложила одеяла в форме спящего человека.

У нее есть всего несколько часов, до того как мать проснется. Если ей повезет, то Трисс успеет, чтобы добраться до центра Элчестера, найти магазин одежды и

подобрать предлог, чтобы поговорить с мистером Грейсом. «Я должна знать, что со мной не так. Он должен мне сказать, я же ему понравилась».

Трисс быстро оделась, накинув пальто и прихватив с собой шляпу и перчатки. Она не рискнула выйти через парадную дверь, опасаясь, что соседи заметят, как больная дочь Кресчентов выходит из дома в одиночестве, и начнут задавать вопросы. Был еще черный выход, открывавшийся на полоску огорода и прилегающий к нему переулок. Единственная проблема – незаметно проскользнуть мимо кухарки.

Осторожно спускаясь по лестнице, Трисс замерла на полпути, оглушенная воспоминанием о тихом упреке отца. «Моя Трисс – милая, спокойная девочка, она всегда хорошо себя ведет». Что бы он подумал, если бы увидел, как она ускользает из дома без разрешения?

– Прости, папа, – прошептала она.

На цыпочках она миновала столовую и заглянула на кухню. Кухарки не было видно, а из маленькой судомойни доносились успокоительные всплески и звон. Судя по всему, кухарка мыла посуду после обеда в большой цементной раковине.

Что-то стукнуло, и Трисс подскочила. Она бросила изумленный взгляд в сторону задней двери, которая обычно была заперта, а ключ висел на гвозде, вбитом в стену. Сейчас ключ был в замке, а дверь слегка приоткрыта, поэтому она стукнула на сквозняке. Трисс уставилась на дверь, потом подкралась к выходу и выглянула в огород. Между огуречными грядками и клумбами настурции торопливо шагала знакомая фигура, напоминавшая короткое эскимо в своем светло-кремовом, отделанном бархатом пальто. Пен. Открыв калитку в конце огорода, она бросила яростный ненавидящий взгляд на верхний этаж дома. Потом калитка затворилась, скрыв ее из виду.

Трисс явно была не единственным человеком, решившим воспользоваться маминым сном. Она выскользнула сквозь заднюю дверь, постаравшись прикрыть ее аккуратнее, чем Пен. «Что она делает? Куда идет?» Взгляд Пен был настороженным, но ее глаза блестели от злости и скрытого ликования. Трисс вспомнила об эпизоде, когда младшая сестра заставила ее продемонстрировать грязную ночную рубашку. «Что бы она ни замышляла, это имеет отношение ко

мне».

Трисс пробежала по огороду, открыла калитку и выглянула в переулок как раз вовремя, чтобы увидеть знакомую фигуру Пен, исчезающую за углом. Трисс поспешила следом, радуясь, что порывы ветра заглушают ее шаги. А вот и Пен, важно идущая по Лайм-стрит, спрятав руки в карманы, с таким видом, словно имеет полное право тут находиться. Трисс следовала за ней на некотором расстоянии, но стараясь не терять ее из виду. Как это странно – быть не дома, в одиночестве, без разрешения! Трисс была уверена, что в любой момент может наткнуться на какого-нибудь друга семьи. К счастью, ветер дал ей повод поднять воротник, натянуть шляпу пониже и обмотать лицо шарфом. Слова отца преследовали ее. «Моя Трисс – милая, спокойная девочка, она всегда хорошо себя ведет». Но она пообещала себе, что скоро снова станет его Трисс, только сначала поймет, что с ней не так и как это исправить.

Куда бы Пен ни направлялась, путь ей явно был знаком. Она знала, какие прутья в заборе плохо закреплены и их можно вытащить, чтобы срезать путь через парк. Скользила по маленьким переулкам за домами, где приходилось прокладывать дорогу через сушившееся белье, и выходила на широкие улицы. Она была знакома с извилистыми дорожками, которые поднимались по холмам к пешеходным мостикам, откуда открывался вид на город, а потом снова уводили к переулкам. Наконец Пен дошла до перекрестка, знакомого Трисс. Направо уходила широкая улица, поднимавшаяся по холму к дорогим торговым районам, где находились Марли-стрит и магазин мистера Грейса. Дорога слева спускалась в Путтенс – район Элчестера, где собиралась молодежь. Тут вереницы магазинов перемежались танцевальными залами, барами и кинотеатрами.

Пен повернула налево. Желудок Трисс свело узлом. Магазин мистера Грейса был так близко – в нескольких поворотах, но, если она отстанет от Пен, она никогда не узнает, что замышляет ее младшая сестра. Трисс снова вспомнила выражение вины и ужаса на лице сестры, когда она поймала ее за разговором по телефону. Пен просто притворялась, чтобы заманить ее в ловушку? Или Пен имеет отношение к тем странностям, которые происходят с Трисс? «Ненавижу тебя, Пен, – про себя сказала Трисс и повернула налево, продолжая держать фигуру сестры в поле зрения. – Ненавижу».

Наконец Пен остановилась перед любопытным зданием, построенным в месте, где дорога круто изгибалась, и потому имевшим форму клина. Высоко наверху, под фонарями, висела табличка со словами «Ломтик жизни». Кремовые стены

усиливали сходство с кусочком пирога. На них висели плакаты с Тедой Барой, бросавшей на зрителя знойный взгляд, Джоном Бэрримором и его знаменитым носом и Рудольфом Валентино, страстно прижимавшим к себе молодую женщину, которая, судя по всему, совершенно не возражала. Это был кинотеатр, незнакомый маленький кинотеатр, о котором Трисс никогда даже не слышала. Тем временем Пен поднялась по ступенькам и миновала стеклянную вращающуюся дверь.

Трисс нерешительно остановилась на улице. Это и есть ответ? Неужели Пен сбежала из дома, чтобы без спроса посмотреть кино? Если подумать, субботний день – это время, когда большинство кинотеатров проводят популярные дешевые сеансы для детей. Ее глаза скользнули по афише рядом с дверью. Разумеется, она рекламировала детские утренние сеансы. Главной картиной было «Убийство в казино „Миднайт”», и еще показывали многосерийный фильм «Незримое лезвие». Оба фильма были как раз во вкусе Пен. Она обожала гангстерские фильмы и любые другие картины, где люди стреляли друг в друга или падали со скалы. Одолеваемая дурными предчувствиями, Трисс поднялась по ступенькам и вошла в кинотеатр.

Семейные походы Кресчентов в кино всегда приводили их в «Рапсодию» на окраине города. Это был большой роскошный кинотеатр в египетском стиле, весь в красных и золотых цветах и с пианино, которое поднималось на специальной платформе перед самым началом фильма. Мать всегда утверждала, что остальные кинотеатры – «большие бараки», куда «ходит кто попало» и где «можно подцепить блох».

Вход в кинотеатр был расположен со стороны узкого края ломтика, поэтому Трисс не удивилась, обнаружив, что вестибюль очень маленький. Здесь странным образом смешивалось старое и новое, величественное и сомнительное. Ярко-красный ковер волнующе поскрипывал, но темная краска на стенах облупилась.

За обшарпанным столиком сидела молодая женщина с вишневыми губами и золотыми волосами, напоминавшими взбитые сливки. Пен нигде не было видно. За спиной женщины находился дверной проем, где была натянута бархатная веревка и откуда доносилась какофония голосов. Рот Трисс пересох, когда женщина одарила ее специальной улыбкой «для детей».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сборник стихов английского поэта и писателя Уолтера де ла Мара (1853–1956), наиболее известного своими произведениями для детей и фантастическими рассказами.

2

Книга английской художницы Сесиль Мэри Баркер (1895–1973), прославившейся изображениями фей и эльфов.

3

Речь идет о старинном телефоне, в котором микрофон приходилось держать одной рукой, а динамик – другой.

4

Оливковая ветвь – символ примирения в Библии.

5

Сеть кондитерских, в то время самая популярная в Великобритании. Были основаны в 1884 году как часть большой компании, включавшей также производство продуктов и отельный бизнес. Сеть закрылась в 1981 году.

6

Кукла-половинка – фарфоровая статуэтка, представлявшая собой верхнюю часть женского туловища, которая соединялась с подушечкой для иголок, шкатулкой и пр. Такие куклы особенно были популярны на рубеже XIX и XX веков, а сейчас они предмет коллекционирования.

Купить: https://tellnovel.com/harding_frensis/pesnya-kukushki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити